

Виктория Мальцева

An illustration of a young man and woman standing on a beach at sunset. The woman is on the left, wearing a white t-shirt and dark pants, looking towards the man. The man is on the right, wearing a dark t-shirt and dark pants, looking back at her. They are holding hands. The background shows a bright sun low on the horizon over the ocean, with silhouettes of pine trees in the foreground.

ВСПОМНИ
МЕНЯ

12+

Виктория Мальцева
Вспомни меня. Книга 1
Серия «Вспомни меня», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67291491

SelfPub; 2022

Аннотация

Говорят, среди них есть пара, но они не помнят друг друга. Так же, как и все остальные, не знают ни своих имён, ни кто они и откуда.

Десять парней, десять девушек, необитаемый остров. Или не остров?

Их цель – выжить и вспомнить.

Любовь – самая прекрасная и самая мощная эмоция. Можно ли её уничтожить, стерев память, или что-то всё-таки останется?

Содержание

Глава 1. Пробуждение	4
Глава 2. Не подходить к нему	6
Глава 3. Собрание	8
Глава 4. Лес	15
Глава 5. Хозяин леса	19
Глава 6. Грибы	24
Глава 7. Альфа	27
Глава 8. Огонь	33
Глава 9. Хозяин лагеря	37
Глава 10. Охрана	42
Глава 11. Любить его будет больно	46
Глава 12. Гигиена	55
Глава 13. Орехи	62
Глава 14. Тайник	70
Глава 15. Держать ответ	78
Глава 16. Имя	85
Глава 17. «Некрасота»	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Виктория Мальцева

Вспомни меня. Книга 1

Глава 1. Пробуждение

White Rabbit – The Matrix Resurrections | Full Epic Trailer Version – Official Trailer Song Music

Первое, что я помню – это кусочек неба и жжение. Жгло как будто везде, но больше – лоб и щёки. Руки ещё, примерно от локтей и до кончиков пальцев.

Второе – это он. Весь чёрный почему-то в том моём ещё не до конца трезвом восприятии. Он смотрел в упор и вызывал ужас – лысый, вернее, бритый, с острыми глазами и широченными такими же тёмными бровями.

Третье – парень с разбитым лицом около меня. Он лежал без сознания, неуклюже раскинув руки и ноги. Его футболка, перепачканная в его же крови, была разорвана у горловины. Хуже всего выглядел его рот – месиво из песка, крови и кожи.

Я рвусь помочь избитому, спасти нас обоих от чёрного жестокого демона. Не знаю, что давало мне такую уверенность, но почему-то с самого начала у меня было некое знание, что единственный, кто в этом мире способен дать ему отпор – это я. Именно я имею над этим чудовищем власть. Ещё не

ясно какую именно, но что-то точно есть.

– Отойди от него!

Я не обращаю внимания на его приказной тон. Качаясь, ищу у страдальца пульс – он легко прощупывается на шее, в районе сонной артерии. Ватными руками стараюсь схватить лежащего на раскалённом песке парня и оттащить с солнцепёка в тень. Мне, конечно же, не хватает сил, и я решаю хотя бы намочить его лицо, чтобы не так горело на солнце. Пока иду к воде, набираю в ладони, меня шатает так, как если бы я была в лодке, а вокруг бушевал бы шторм. Вода выплёскивается из моих рук, и мне приходится снова и снова её набирать, глубже зарывая ступни в песок, как будто это могло бы помочь мне удержать равновесие.

Страшный человек даже не пытается мешать – настолько очевидна моя беспомощность. В конце концов, мне удаётся донести совсем немного воды до избитого, чтобы смыть кровь с его лица. Тот, получив холод и соль прямиком на живую рану, приходит в себя. Я почти не слышу его воплей, потому что отчаянно борюсь с руками, обездвижившими меня.

– Я же сказал, не подходить к нему!

Не имея возможности драться, я кричу, что есть мочи и, очевидно, от перенапряжения проваливаюсь...

Глава 2. Не подходить к нему

Снова небо, теперь серо-голубое. Тогда было ярко синее. И света теперь как будто меньше. Вечер?

Он сидит всё там же – у камня, свесив голову, словно от жуткой боли. Его бритая голова отвратительна и вызывает у меня приступ тошноты. Но желудок оказывается пустым – еды в нём, похоже, давно не было.

Как только становится легче, я тру лицо ладонями и морщусь – оно обожжено, невозможно прикоснуться.

– Отвали от меня! – требую, потому что он снова пялится своей чернотой.

Не сразу, но его фигура всё-таки поднимается, вернее возвышается надо мной и оказывается громадной. Я понимаю: если он захочет меня придушить, ему хватит двух его пальцев. Ещё он может схватить меня за шиворот и легко зашвырнуть в море... или океан перед нами. Физически у меня нет шансов против него. Есть нечто на каком-то другом уровне, как я уже говорила, и видимо исключительно по этой причине он уходит. В лес.

Лес, преимущественно хвойный, белый песок и вода. Где я? Мы... где?

Я ничего не помню. Даже имени. Своего. Ни единого воспоминания о том, кто я и что здесь делаю. Последние несколько часов растираю виски, шею, вжимаю пальцы в гла-

за – никакого эффекта. Всё так же пустота, тошнота и головная боль. Ближе к ночи ко всему этому добавляется ещё и жажда.

Я не знаю, какими были мои предыдущие ночи, но хочется верить, что эта – худшая из них. Холодно. Во рту пересохло, очень хочется есть. Из-за усталости я всё-таки иногда проваливаюсь не столько в сон, сколько в полудрёму. И постоянно ощущаю ЕГО присутствие где-то рядом. Или, может быть, это мнительность.

Ночь длится так долго, что кажется, будто утро уже никогда не наступит. А утро – это надежда, что память всё-таки вернётся.

Глава 3. Собрание

Небо. Яркая, слепящая синева. Солнце практически в зените. Я поднимаюсь, смотрю на свои руки, потом на песок. И вспоминаю... что ничего не помню. Ничего, кроме мучительной ночи и странных, пугающих людей.

На мои плечи что-то наброшено. Стягиваю с себя – это толстовка светло серого цвета на молнии и с капюшоном. По кромке капюшона протянут белый шнурок, прочный, как маленькая верёвка. Концы не завязаны в узел, а обшиты тёмно-синей тканью с надписью «Marco». Рукава намного длиннее моих рук, а край толстовки достаёт почти до колен. Уже жарко, но бросать такую ценную вещь не разумно – ночью было очень холодно. Обвязываю её вокруг талии – кто знает, сколько ещё таких ночей мне предстоит пережить.

Трогаю себя за волосы. Они средней длины, немного ниже плеч, так что я беру прядь в ладонь, и мне виден их цвет – светлые. Не белые, не жёлтые, а такие же, как высохшая трава. Ногти обрезаны коротко и совсем недавно. На одном из пальцев виднеется полоска более светлой кожи – как если бы что-то продолговатое долго защищало её от солнца, и пока всё остальное темнело, она была надёжно укрыта, защищена. На моих ногах узкие джинсы и белые кроссовки с жёлтой вставкой. На мне белая футболка без надписей.

Очень странное ощущение – быть собой, быть внутри себя

и не иметь представления, кто ты. Страх вперемешку с тревогой, нескончаемые усилия ухватить за хвост хотя бы одно воспоминание и за ним вытянуть из сознания остальные.

Неопределённость порождает неукротимый тремор внутри. И ты... переключаешься на то, что происходит с тобой прямо сейчас, не подозревая, что это и есть твой инстинкт самосохранения.

С прошлым когда-нибудь разберёмся, о будущем подумаем чуть позже, а прямо сейчас мне жутко хочется пить. И это единственное, что требует неотложного внимания.

Вдалеке слышится приглушённый гомон.

Я осторожно выглядываю из-за каменного выступа, торчащего из песка, и вижу довольно широкий пляж, на другой стороне которого торчат такие же камни, как мой. Ближе к лесу пляж заканчивается довольно резким подъёмом, покрытым сухой белёсой травой. На этой траве, в тени сосен сидят, лежат и полулежат люди.

Прямо посередине пляжа виднеются два чёрных пятна и рядом с ними ещё человек.

Некоторое время я так и стою, соображая, что для меня безопаснее – оставаться в укрытии или приблизиться к людям и попросить воды. Вода – это первое, главное и единственное, что в данный момент занимает все мои мысли.

В итоге, принимаю решение начать с человека на пляже. Это парень. Молодой, коренастый. Волосы каштановые, короткие и очень кудрявые. На подбородке фигурная малень-

кая борода.

– Эй! – окликаю его пересохшими губами и подхожу ближе. – Здравствуй!

– О, осьнула! Ну законись-то. Ты посьледняя.

– Последняя?

– Да, ись всех.

Наверное, он имеет в виду группу людей под соснами. Говор у него как... как акцент. Как если бы он говорил не на своём языке.

– Как тебя зовут? – спрашиваю.

Прикрыв на мгновение глаза, он качает головой.

У меня мурашки, и мир вокруг ходит ходуном, но что странно – становится капитально легче. Тремор и тошнота на месте (может, от жажды?) но страх теперь не такой острый – я не одна в этой ситуации. Есть ещё как минимум один человек, не знающий своего имени, а значит так же точно ничего не помнящий, как и я. Нас двое. Я не одинока. И от этого у меня даже плечи немного расслабляются.

– Слушай, у тебя нет воды? Попить?

Он протягивает руку к одному из чёрных сооружений – это бывший в прошлом чёрный пластиковый пакет, накрывающий углубление в песке. С той стороны, которая была обращена к яме, на нём образовались капельки испарений.

– Вот. Есьли прямо сильно надо – то вот. А так... все хотят, – он поворачивается и кивает в сторону людей на пляже.

Я снова смотрю на них, на этот раз чуть внимательнее. Все

молчат, кроме одного. Он единственный говорит, остальные внимают. Даже то, как они распределились вокруг него, рисует некую систему, в которого он – центр. Его голый череп словно маяк для других, ориентир.

– Мы разделимся на группы, – негромко, но каким-то безапелляционным тоном сообщает он, когда я к ним приближаюсь. – Цель – найти источник пресной воды. Остальное после.

При дневном свете Демон оказывается молодым человеком лет двадцати – двадцати двух, просто очень высоким. Его бритая голова имеет такие идеальные пропорции, что мне хочется всё бросить и рисовать её. Я даже мысленно уже делю её на сектора и переношу набросок на бумагу.

– А если нас хотят убить? – беспокоится девушка рядом с ним.

– Если в самое ближайшее время не найдём воду – им не придётся этого делать.

Его голос спокойный, но уверенный. Мне это не нравится. И я замечаю кое-что: у всех людей, сидящих на песке в той или иной мере обожжены лица и руки. Кроме бритого. Все выглядят подавленными и растерянными, кроме одного – бритого.

– Девушки остаются тут, с ними двое парней. Остальные расходятся в разных направлениях по двое. Ты, – тут он кивает в сторону другого уже знакомого мне лица – разбитого, – идёшь со мной.

– А какого... ты тут командуешь, а? Типа главный, что ли? – подскакивает тот.

– Лучше заткнись.

Его взгляд из-под чёрных бровей даже не суровый, он угрожающий. Обещающий уничтожение.

В моей памяти всплывают десятки картинок того, как зверски, безжалостно он избивает человека. Все они нечёткие, но с таким множеством деталей и подробностей, будто я видела это в реальности. Но... я не могу сказать точно. Точно я помню только то, как он вчера запрещал мне помочь избитому.

– А правда, на каком основании ты тут раздаёшь указания? – вмешиваюсь я.

Взгляды переключаются на моё лицо, и мне тут же хочется вжать голову в шею и спрятаться обратно за камень. Но почему-то я делаю обратное: расправляю плечи, вытягиваюсь, чтобы казаться выше, и выставляю ногу вперёд.

– Тоже мне, «альфа» тут нашёлся!

И что странно, взгляд его вместо того, чтобы стать ещё зловещее, внезапно становится нормальным. Он не спеша оглядывает меня с головы до ног, и когда его глаза задерживаются на моей талии, обвязанной толстовкой, мне кажется, его губы меняют форму на нечто отдалённо напоминающее зародыш улыбки.

– О, последняя очнулась! – объявляет другой парень.

Этот высокий, красивый, и очень кудрявый. Он умеет

улыбаться. Глядя на него, я чувствую, как мой собственный взгляд смягчается.

– Я повторю для тебя вкратце всё, что пропустила, – предлагает он с нормальной, человеческой улыбкой. – Нас двадцать: десять мальчиков и десять девочек. Один инвалид.

Он кивает на девицу с квадратным лицом и жидковатыми волосами. У её ног лежат две конструкции из добротных скрученных между собой палок. Я не могу вспомнить, как они называются, но почему-то знаю, для чего предназначены – для вспоможения ходьбе.

– Почти все пришли в себя вчера, – продолжает парень, – некоторые очнулись этой ночью. Ты последняя. Всех нас объединяет одно. Есть предположения, что именно?

Есть ли у меня догадки? На нас смотрят напуганные, растерянные лица.

– Память?

– Точнее, её отсутствие, – кивает кудрявый. – Сейчас мы пытаемся понять, что делать дальше. Первое – все хотят пить. Ты хочешь?

– Да.

Очень хочу. Так сильно, что даже думать тяжело.

– Почему я не могу пойти на поиски воды вместе со всеми? – интересуюсь.

– Почему она не может? – повторяет мой вопрос кудрявый и смотрит на бритого.

– Потому что мы не знаем, что ждёт нас за десятком вон

тех деревьев. Но если она прямо рвётся – пожалуйста. Бери её в свой отряд. Остальные девочки остаются здесь.

– Кто-нибудь ещё хочет пойти на поиски воды? – спрашиваю я, очевидно, у «девочек».

В ответ тишина. Вернее, вначале тишина, а потом красноречивая ухмылка бритого. С ней же он поднимается и, больше не проронив ни слова, разворачивается спиной и направляется в лес.

Следом за ним как-то нехорошо устремляется и избитый. Чтобы догнать вожака, ему приходится бежать, и он делает это прихрамывая. Как только достигает цели, получает то, что я почему-то ожидаю:

– Пошёл вон!

Избитый пару мгновений стоит в недоумении, его плечи и руки опущены.

– Ты же сказал....

– Я передумал!

Он больше не оборачивается. Его большая спина и лысый череп через пару мгновений исчезают за барханами песчаных дюн у кромки леса.

– Я пойду! – вдруг говорит кто-то негромко, но возле самого моего уха. – Хочешь, я пойду с тобой?

Это девушка. У неё так коротко острижены волосы, что я не сразу это понимаю. Они светлые и так забавно торчат во все стороны, что я сразу нарекаю её Цыплёнком.

Глава 4. Лес

Лес неоднородный. Хвоя сменяется лиственными деревьями и кустарником, затем вновь возвращается. Пару часов спустя мы пробираемся по скалистой местности всё время вверх.

– Скалы означают горы. А горы – это почти всегда ручьи, – вслух рассуждаю я.

Мне уже очень тяжело. От жажды тошнит и кружится голова, зато голод отошёл на третий план. Цыплёнок слабее меня. Я вижу, что двигается она из последних сил и часто останавливается.

– Доберёмся до вершины – сможем осмотреться. Обязательно что-нибудь найдём ценное, – обещаю ей.

– Конечно, – соглашается.

Её едва слышно, но она не жалуется. Ни разу за последние несколько часов.

На вершине выступа мы действительно находим кое-что ценное – поляну. А на поляне, среди низкой травы – красные ягоды, сладкие и пахучие, но очень уж крохотные. Они прячутся под широкими листьями, а мы всё равно отыскиваем их и едим с жадностью, молча и не тратя времени на разговоры. Собрав все до единой, лежим с закрытыми глазами под рассеянной тенью дерева. Я аккуратно трогаю подушечками пальцев свои лоб и щёки – кожа уже не такая болезненная –

ожог начинает спадать.

– Хоть бы они не были ядовитыми... – вдруг вздыхает Цыплёнок.

Я даже поднимаюсь, чтобы видеть её лицо.

– Ты серьёзно? Лопаешь ягоды и... даже не уверена в их безопасности?

– А какая разница? Ядовитые или нет, так или иначе мукам конец... – негромко сообщает она свои соображения.

У меня только брови взлетают. И всё? Вот так легко она готова поставить свою подпись под капитуляцией? Без борьбы? Без сопротивления?

– Они не ядовитые. Я не могу вспомнить название, но точно уверена, что они безопасны. Мне их вкус знаком.

– Мне как будто тоже, – признаётся она и тоже поднимается. – Пойдём дальше? Сил вроде прибавилось. Но пить всё равно очень хочется.

Сил и впрямь прибавилось. И настроения.

– Смотри, видишь вон ту расщелину? – показываю ей. – Я думаю, если ручей и есть в этой местности, то наверняка там. Нам теперь нужно только найти достаточно безопасный спуск.

Легко сказать – найти. Одно дело подниматься по каменным выступам вверх, цепляясь руками и ногами то за камни, то за ветки кустов, и совсем другое – спускаться вниз. Сорваться так гораздо проще.

– Я думаю, нам нужно продираться через кустарник, – со-

ображаю вслух. – Даже если упадём, будет шанс ухватиться за ветки или хотя бы застрять в них.

– Согласна, – говорит Цыплёнок.

Кажется, у неё вообще нет своего мнения ни о чём. Она соглашается с любым решением и, что хуже, всегда ждёт его. Сама даже не пытается думать или что-либо предпринимать.

Под сросшимися своими верхушками в один сплошной свод кустами оказывается лабиринт из тоннелей – высохших от недостатка света веток и листьев, образовавших пустоты. Мы спускаемся задом-наперёд – так, чтобы голова находилась выше ног. Это нелегко – вокруг пыль, частично перегнившие листья, наверняка кишачие насекомыми, и духота. Пить хочется ещё сильнее.

– Чёрт... Надо было всё-таки без кустов путь искать... – сокрушаюсь я.

– Да, надо было, – соглашается Цыплёнок.

Однако, на этом пути нас ждёт награда: еда. Дерево – совсем маленькое, судя по толщине ствола – каким-то чудом растёт из трещины на каменистом склоне, даёт плоды и роняет их на кусты. Я разглядываю несколько штук на моей ладони почти с блаженной улыбкой.

– Лесной орех! – с таким же упоением сообщает их название Цыплёнок.

Всё её лицо перепачкано разводами пота и пыли, но глаза сияют от счастья. Мы находим камни подходящего размера, разбиваем орехи и с жадностью их уплетаем.

– Пить фуфет хобеться потом ещё фильнее! – предупреждает Цыплёнок набитым ртом.

– Ерунда! Влага есть и в орехах – это лучше, чем ничего. И потом, калории прибавят нам сил.

Наевшись, мы собираем всё, что нам удаётся найти и складываем каждая в подол своей футболки. Теперь передвигаться мы можем только при помощи одной руки, зато сытые.

Спустя примерно час, полуживые выбираемся из тоннелей, которые мне примерно с половины пути уже стали казаться моим посмертным адом. Внизу ощутимо прохладнее, но самое главное, слышится шум чего очень жидкого.

– Ты слышишь это? – спрашиваю напарницу.

– Да! – тоже шёпотом отвечает она.

И мы почти одновременно срываемся, перепрыгивая кочки и камни, огибая кусты, как две горные козы. То, что так животворяще журчит, как назло тоже облеплено кустами, но эти – непроходимые. У них длинные ветки-плети, сплошь покрытые острыми шипами. Мы с Цыплёнком летим вдоль них и вдоль берега ручья, как шальные, в поисках бреши в этом колючем заборе. И такое место вскоре находится.

Но... там уже занято.

Глава 5. Хозяин леса

Гора из коричневой шерсти, услышав нас, разворачивается и встаёт на задние ноги. Я знаю, кто это, я помню, что сейчас категорически нельзя поворачиваться к нему спиной и убегать – это спровоцирует у зверя инстинкт преследования, но убей не помню название животного.

– Ме-е-едве-е-едь! – воплем подсказывает Цыплёнок.

– Тихо! Не поворачивайся спиной! Не беги! Медленно... по шажочку отходим назад!

Едва я успеваю выдать инструкции, как медведь приподнимает верхнюю губу, обнажив зубы, и издаёт грозное:

– Rrrrrrrrrrrrr!

И уже через мгновение мои ноги несут меня со скоростью света. Я перепрыгиваю кусты целиком, перебираю ступнями камни, как ступеньки, и ору «А-а-а-а!». Почему-то в этом «А» попадают и согласные буквы, но мне некогда размышлять о том, что бы они могли означать.

В конце концов, когда ног своих я уже почти не чувствую, мне приходит на ум, что, если бы медведь принял решение гнаться за мной, он бы уже давно догнал и съел. А может быть, он решил, что Цыплёнок вкуснее? У меня уже почти просыпаются угрызения совести, как вдруг я отчётливо слышу топот её кроссовок и пыхтение позади себя.

– Ты... здесь? – то ли спрашиваю, то ли констатирую, как

только у меня это получается, хотя всё ещё задыхаюсь от продолжительного бега.

Моя попутчица тоже, очевидно, не может ещё говорить и поэтому кивает. Мы стоим, прижавшись к мощному стволу раскидистого дерева, и смотрим друг на друга.

– Я ж говорила... бежать нельзя и поворачиваться... тоже... – зачем-то упрекаю её.

Цыплёнок закрывает глаза и прижимается к стволу ещё сильнее, теперь спиной. И мне становится её жаль.

Я аккуратно выглядываю из-за дерева – проверяю, нет ли медведя, и осознаю, как это глупо и по-детски. Откуда-то мне известно, что этот зверь лазает по деревьям и бегаёт гораздо шустрее меня. У человека нет против него шансов, вернее, есть только один – надеяться, что у животного найдутся другие хлопоты. Что собственно и произошло в нашем с Цыплёнком случае.

– Ладно. Пока что нам, похоже, везёт, – констатирую.

– И при том, по-крупному, – соглашается Цыплёнок, искоса взглянув на меня.

Мы опускаемся на землю и сидим рядышком, уложив спины и головы на ствол.

– Орехи только растеряли, – вдруг говорит Цыплёнок.

– Господи... точно!

Я не то слово расстроена. Это была единственная встретившаяся за всё время многочасового пути серьёзная еда.

– Ты не помнишь, где было то дерево?

Цыплёнок поворачивает голову в сторону склона, лоскутами покрытого то деревьями, то кустарником, то просто торчащего каменистыми выступами, и с грустью качает головой.

– Ладно. Это не страшно. Еду найдём ещё. Главное, воду нашли. Нужно напиться. Нам срочно нужно напиться.

– Может, подождём пока медведь уйдёт и вернёмся... туда? – предлагает Цыплёнок.

На секунду я допускаю такой вариант, но потом меняю решение:

– Что-то совсем не хочется. К ручью можно подойти и с другой стороны. К тому же, рано или поздно он должен во что-то впадать – другой ручей, реку или, в конце концов, в море.

Откуда я всё это знаю? Да, я точно уверена, что все реки впадают в моря или океаны. Тогда почему у меня нет ни единого воспоминания о себе?

– Ты что-нибудь помнишь? – спрашиваю у Цыплёнка. – Хоть что-нибудь?

– Ничего.

– Совсем?

– Совсем, – качает она головой.

– Но названия ягод и животных ты же помнишь, а я нет.

– Не знаю, – пожимает она плечами. – Они просто... как-то... всплывают.

У неё всё лицо в рыжих пятнышках – они и на носу, и на

лбу, и на веках. Даже на кончиках ушей. Но её это не уродует – она напоминает мне солнечный блик на воде.

Внезапно она поднимает на меня свои светло-голубые глаза с вопросом:

– Как думаешь, что это? Социальный эксперимент? Или конец... всего? Тест военных на выживаемость группы молодёжи? Почему нас равное количество по полу? Это похоже на заготовку для образования пар. Как бы... как если бы мы должны были выбрать себе пару для выживания. И кому-нибудь было бы интересно, как это происходит в стрессовых условиях. Например, будет ли теперь красота в цене или физическая сила? Знания или смелость, решительность? И военные так смогут определить, какой дальше вектор задать человечеству?

Военные... Да, я припоминаю таких. У меня есть... некие знания о... мире в целом. Например, мне известно, что наша планета является частью солнечной системы, что на ней развилась уникальная в обозримом человечеству радиусе атмосфера, создавшая пригодные для жизни условия. Я также помню, что человечество очень долгое время было уверено в плоской форме нашей планеты, пока не было доказано, что она круглая. Первым это предположил древний философ. Я не могу вспомнить его имя, но знаю, что придуманной им системой мер долготы и широты Земли люди пользуются до сих пор. Я также знаю, что они живут в городах, но в моей памяти нет ни единого образа города.

– Вполне очевидно одно, – вздыхаю. – Что бы ни случилось с нашей памятью, сделано это было искусственно.

– Разве такое возможно?

– Очевидно да, и мы – живое тому доказательство.

– А зачем? – восклицает она, едва не плача.

Тут мои идеи заканчиваются.

– Не имею представления. Пойдём, напьёмся уже, наконец.

Глава 6. Грибы

Напиться нам удаётся только пару часов спустя. Оказалось, что ручей почти сразу за полянкой, где мы повстречали медведя, резко трансформировался в водопад. И чтобы спуститься к тому месту, где он снова становится ручьём, нам пришлось сделать внушительный круг.

Пили мы жадно и долго, умыли лица, отчистили шеи и руки, и даже немного одежду. К лагерю решили идти вдоль ручья. Во-первых, можно снова попить, когда захочется, а во-вторых, рано или поздно он выведет нас на побережье, и там уже главное будет правильно повернуть. Мой внутренний компас говорил, что лагерь справа, а Цыплёнок как всегда даже не пыталась спорить.

Спору я сама с собой. Внутренние споры удаются мне особенно хорошо.

– Дуры мы, что полезли в гору.

– Почему? – удивлённо спрашивает Цыплёнок.

– Потому что все ручьи, если они есть, впадают в большую воду. Всё, что нам нужно было сделать – это пойти вдоль берега. Не надо было слушать этого напыщенного индюка...

Я очень злюсь на себя за то, что не пораскинула мозгами самостоятельно.

– Но... он же так и сказал – идти вдоль берега.

– Когда это? – останавливаюсь я, как вкопанная от возму-

щения.

– Эмм, – пожимает она плечами. – Может быть, до того, как ты... подошла? Я уже сейчас не помню.

– Но он же сам в лес пошёл! В самую середину!

Она снова пожимает плечами.

– Может, ему в туалет нужно было?

Господи... я как-то об этом не подумала. От огорчения... вернее, поняв, что потратила слишком много энергии и внимания на ненужные эмоции, когда следовало всё это до последней капли израсходовать на выживание, я смотрю себе под ноги. И вижу...

– О! Грибок! – как всегда вовремя подсказывает Цыплёнок.

– Выглядит... вроде бы... съедобно.

У гриба большая коричневая шляпа и толстая сочная ножка. Он определённо съедобен.

– О! Ещё один! И ещё!

И вместо орехов мы заполняем подола своих футболок грибами.

– Даже если хорошие, сырыми их есть нельзя... – высказывает сомнения в рациональности наших действий Цыплёнок.

– Но можно высушить на солнце и сварить суп, – не сдаюсь я.

– А... в чём?

– Что «в чём»?

– Варить суп в чём? Ну, типа... ёмкость же нужна, как это... кастрюлька?

Оох... А она всё-таки умеет выводить из себя, оказывается.

– Не знаю ещё! Потом придумаем!

Если совсем голодно будет, можно и не варить, а так сушёными сгрызть. Это лучше, чем всю ночь напролёт мучиться от боли в животе, как вчера.

– Да-да, ты права, конечно же... – соглашается мой хвост.

Когда с тобой постоянно спорят – это раздражает. Но когда с тобой всегда только соглашаются – это хуже, тошнить начинает. От скуки.

Глава 7. Альфа

MorMor – Pass The Hours

Я оказалась права: не всегда лёгкий, но верный путь вдоль ручья всё-таки приводит нас на побережье. И не только.

Метров за триста до моря ручей разделяется на серию небольших бассейнов, образованных в округлых углублениях скалистого склона. С самого последнего из них вода стекает небольшим водопадом прямо на песочный пляж. Именно тут мы и обнаруживаем практически всю группу уже знакомых людей. Двое парней по очереди «принимают душ» под водопадом, остальные, расположившись в различных позах на каменных выступах вокруг заводи, генерируют «версии»:

– Что, если всё это какое-нибудь реалити-шоу? И за каждым кустом спрятана камера, а нас показывают по главным каналам по всему миру? – делает предположение рыжая девушка.

– Ага, и отдельный сайт в сети ведёт прямую трансляцию в режиме реального времени! – развивает её идею кто-то ещё.

– Может, и так, – снова говорит девушка.

Я люблюсь её волосами цвета... оранжевого металла, похожего на драгоценный, но не являющегося им. Делаю это в большей степени машинально, потому что все мои мысли в данную секунду заполнены проблемой «реалити-шоу». Де-

ло в том, что я не имею понятия, что это такое. Может ли моя память быть повреждена в большей степени, нежели память всех остальных? Почему так произошло и с чем связано? Может ли быть, что мои знания о мире изначально отличаются от знаний остальных людей? Как такое могло случиться? Насколько «реалити-шоу» общедоступное явление?

Цыплёнок суетится, оглядывается, шарит глазами везде с кисловатым выражением лица. Наконец, осмеливается пропихать:

– А где...

Не понятно к кому она обращалась, но я тоже заметила, что его нет. Собственно, ещё даже до того, как мы спустились и окончательно присоединились ко всем.

– Альфа? – уточняет девушка с рыжими волосами. – Так он вас ушёл искать. Вместе с Ленноном.

– Альфа? – не выдерживаю. – Это не его имя!

– Но ты же сама так его утром назвала, разве нет? – напоминает мне девица, такая же упрямая, как и её огненные волосы.

– Это же ирония была!

– Не знаю, – пожимает она плечами и отворачивается, – все теперь его так называют.

– Да какой он Альфа? Индюк, скорее!

У людей вытягиваются лица, и мне сразу же становится очевидным – они со мной не согласны. И от этого начинаю нервничать ещё сильнее.

– С какой стати он тут взялся всеми командовать? Кто назначил его главным? Я вот, например, не изъявляла такого желания!

– Он командует, потому что кто-то должен. Вместе выжить будет намного проще, чем по одиночке, – отвечают мне.

– А вы ничего не заметили, нет? Ничего подозрительного? Почему у каждого из вас обгоревшие лица, и единственный без ожогов – он?

– Потому что пришёл в себя первым? – подсказывает мне Рыжая. – А как ты думаешь, будет ли твой лоб красным, если пролежит весь день под прямыми солнечными лучами? Особенно у моря, где интенсивность отражения от песка и воды ещё сильнее? Нет! Он покроется пузырями, и вместо кожи у тебя будет самое настоящее мясо, вон как у него, – тут она кивает головой в направлении избитого.

– Его-то как раз ваш «Альфа» вот так – до мяса – и отделал!

– Не знаю, – снова пожимает плечами Рыжая. – Я этого не видела. Но видела, как он оттаскивал бессознательных в тень, в том числе и тебя.

– У меня сразу после... истерика была, он помог справиться. Рядом был, разговаривал, – раздаётся чей-то голос.

– И со мной тоже...

– И со мной.

– И вас это не настораживает? – уже взрываюсь я.

Почему все они видят заслугу в том, что должно вызывать

подозрения?

– Если кому и быть Главным, Старшим, то почему не ему? И имя Альфа ему подходит.

– Эй! – окликаю избитого. – Расскажи им, как тебя били! А главное, за что?

– Это правда? – обращается к нему Рыжая, но тот вместо ответа поворачивается к нам спиной и натягивает на голову футболку.

Все начинают ухмыляться, а я стою, как... оплёванная.

– Вы глупцы! – заявляю им. – Раскройте глаза! Он не один из вас, он один из *них*! Он единственный из всех не обгорел, он «очнулся первым» и проводил сеансы психотерапии со слабыми духом, он сразу взял на себя всякое командование, он «единственный знает, что делать», и это не вызывает подозрений? Вы серьёзно? Вот так добровольно согласитесь со статусом «альфы-вожака», который он сам себе назначил? И смиренно пойдёте туда, куда он поведёт?

– Это ты его так назвала, – снова напоминают мне.

Я даже не знаю, кому принадлежал голос – так много лиц повёрнуты ко мне.

– Повторяю: это ирония была!

– Фух, Слава Богу... вы здесь! – вдруг слышу знакомый голос.

Это кудрявый, любезно ответивший на все мои вопросы сегодня утром, спрыгивает с одного выступа на другой и спускается к нам. Только теперь мне удаётся рассмотреть

его получше – на нём белая, но теперь местами испачканная грязью футболка с фотографией мужика в очках и подписью «Джон Леннон». Такие плечи у него широкие и руки сильные, что рукава этой футболки натягиваются на них, как на бубне. Думаю, всем дамочкам, здесь присутствующим, мечтается спрятаться за его спиной, но сильнее всего притягивают его всегда доброжелательные глаза и улыбка. Сейчас, правда, он не улыбается, а смотрит на меня с укором.

– Зачем убежала? – спрашивает.

– Я не убегала!

– Он... когда понял, что вы потерялись...

– Мы не терялись! – поправляю.

– Ну... вы же должны были со мной пойти. В моей группе.

– В твоей группе был Он, а с ним я никуда пойду.

Кудрявый качает головой, и с ещё большим укором заявляет:

– Со мной должна была быть только ты. А он – сам по себе. И когда все вернулись... ну, почти все, кроме вас и ещё двоих, он...

– Очень сильно разозлился, – помогает ему Рыжая, которую не спрашивали.

–... да, – соглашается Кудрявый Леннон. – Очень сильно разозлился, а точнее озверел.

– Пастух потерял несколько овец из своего стада? – делаю предположение.

Кудрявый глубоко и тяжело вздыхает.

– Думаю, он просто... реально беспокоился о вас, когда вы пропали.

И я замечаю, что кудрявый Леннон не называет того, кого мы обсуждаем «Альфой».

– А ты? Ты беспокоился? – спрашиваю я.

Просто так. Просто заполняю словами свободное пространство. Ничего особенного не ожидаю, но в ответ получаю такой серьёзный взгляд... даже немного тягучий... совсем немного, что этот разговор совершает совсем неожиданный поворот.

– Переживал.

– А вот эта куртка его... – Рыжая протягивает руку и трогает свисающую с моей талии толстовку.

– Чья? – оборачиваюсь я.

– Альфы.

Хм. Если она думает, что я достаточно глупа, чтобы снять с себя настолько ценную вещь, то глубоко заблуждается.

Я ничего ей не отвечаю, только затягиваю рукава толстовки вокруг своей талии ещё плотнее.

Глава 8. Огонь

Сквозь редкие в этом месте деревья можно разглядеть единственную фигуру на побережье – это тот же парень, который добывал парниковым методом воду. Сейчас он возится с деревяшками – наверное, задался целью добыть огонь. Огонь – это очень хорошо. Можно будет, наконец, согреться и грибы испечь.

– Эй, Умник, огонь на этот раз? – окликаю его, приблизившись.

– Умник?

– Ну это же очевидно! Кто тут самый умный?

Я даже подмигиваю ему в ответ на вопросительно поднятые брови. Мне нравится этот парень с шипящим произношением слов. Думаю, с ним можно иметь дело.

– Угу, – кивает он и показывает мне свои красные ладони. – Осинь больно...

– Давай я? – предлагаю.

Умник вручает мне сверло и планочку, клубок трута. Но надолго меня не хватает: минуты на две.

– Блин! Это вообще не реально сделать! – пыхчу я, потому что ладони огнём горят, но только не дурацкое дерево.

– Нужен шнуросек. Верёвоськая такая, – он раздвигает руки, чтобы показать примерную длину. – А у меня нет...

– У меня есть! – сообщаю ему благую весть.

Ну, не совсем у меня, конечно же – чьей бы ни была толстовка, обмотанная вокруг моих талии и бёдер. Шурок из капюшона мы выдираем без всякого промедления, затем Умник притаскивает подходящий прут, чтобы сделать «лук». В петлю мы просовываем сверло и неровным концом снова упираем в деревяшку. Работа наша теперь поднимается на совершенно новый уровень, но сколько бы мы ни тёрли, огня так и нет. Едва начинает намечаться какое-нибудь тление на нашей деревяшке, силы заканчиваются у добывающего огонь, а сменщик начинает процедуру практически заново.

– Я думаю, деревяшка недостаточно мягкая, – сообщаю свои соображения Умнику.

И подняв на него глаза обнаруживаю прямо перед ними ноги. Не похоже, чтобы они принадлежали напарнику в моём нелёгком деле, если только он не вытянул их до удвоенного размера за те минуты, пока мой взор был сосредоточен на сверле, луке и деревяшке. Это даже смешно... то, как комически я взбираюсь взглядом на вершину этой фигуры. Мне даже приходится подняться, чтобы она так не возвышалась надо мной. Некоторое время мы стоим так друг напротив друга и смотрим в глаза. Его – злющие, как и предупреждал Джон Леннон, мои... не знаю, какие. Упрямые, возможно.

– Где вы были? – гремит гром.

– Еду искали! – сверкает молния.

Не признаваться же, что за водой попёрлись преодолевать

леса и горы, когда она вон спокойно ждала нас в пятнадцати минутах ленивой прогулки вдоль пляжа по левую руку от места обретения сознания.

– Нашли?

– Да.

– Что?

– Орехи, ягоды, грибы...

– Хорошо, – внезапно смягчается. – Грибы выбросить.

Поиском еды завтра займёмся.

И всё, интерес ко мне потерян.

– Давно трёте? – интересуется он у Умника, засовывая руки в карманы и откровенно расслабляясь.

И вот тут-то я и замечаю на его бедре вдоль шва мягких штанов светло-серого цвета синюю вшитую бирку «Магсо». И мои ладони машинально вцепляются в единственную способную согреть меня ночью вещь, словно кто-то грозит отнять.

– Давно, – уныло сознаётся Умник.

– Можно усовершенствовать эту конструкцию. Идёмте, покажу, как.

Он ведёт нас в лес. В лесу мы все ищем молодую поросль, но конечно же находит «подходящее место» именно он. Выломав из этой поросли длинный и достаточно прочный, но при этом гибкий прут, засовывает его между торчащими из земли в виде буквы V стволами кустарника. Пару мгновений задержавшись взглядом на шнурке, а точнее, на эмблемах с

надписью «Марсо», он привязывает один его конец к пруту, а второй зажимает в руке. Дальше используется та же техника, что и у нас с Умником, за исключением того, что половина силы, необходимой на трение, переложена на упругий прут. Теперь верёвку нужно только оттягивать, преодолевая сопротивление, обратное движение выполняет дерево.

Первый дымок появляется уже минут через десять, а ещё через пять наш трут воспламеняется... огнём!

– О, Госьподи! О, Госьподи! Огонь! – орёт Умник.

Совсем не умеет держать себя в руках. А я думаю... Очень странно, что человек, потеряв память, продолжает владеть такими мудрёными способами добычи огня. Я вот, например, сильно сомневаюсь в том, что вообще имела представление, как это делается, ещё до того, как все папки в моей голове удалили. Даже Умник вон... не знал. А *он* знает! Подозрительно всё это. Вот это вот всё.

Глава 9. Хозяин лагеря

Я не очень-то доверяю себе. Не хочется на себя наговаривать, но, по-моему, в моей памяти информации и опыта осталось меньше, чем в памяти всех остальных.

– Слушай, Умник, погляди-ка на эти грибы. Как думаешь, они съедобны?

Повертев в руке самый крупный, внимательно рассмотрев его со всех сторон и максимально близко от огня, он уточняет:

– Все такие? Как этот?

– Все.

– Сь вероятносю 99,99% эти грибы съедобные. Белый гриб – один из самых съедобных.

– Отлично! – у меня аж от сердца отлегло – ну наконец-то поедим. – Как бы нам их испечь? Ну, чтобы не спалить? На прутиках?

– Да, – кивает. – Палоськи подойдут.

В лесу уже совсем темно, но, когда глаза присматриваются, понять, где какая палка торчит, всё же можно. Проблема одна – побег сломать нужно таким образом, чтобы один конец оказался острым – затачивать-то нам их нечем, а грибы нежные и крошатся. Один мы с Цыплёнком уже испортили, но не выбросили, потому что от голода так скрутило желудки, что рука не поднимается. В конце концов, пример-

но час спустя, мы возвращаемся к нашему хранителю огня с четырьмя прутами, унизанными кусочками грибов.

Я замечаю, что в лесу тоже уже полыхает костёр. Спрашиваю у Умника:

– Это ты с ними поделился?

– Нет, – качает головой. – Сями расъвели.

Знаем мы уже, кто этот «сами».

Спустя ещё полчаса наша троица отщепенцев от общего коллектива греется у своего собственного костра на пляже.

Часть углей мы отгребли в сторону и сконструировали над ними держатели для наших прутиков, потому что под прямым огнём наши грибы горели, а не пеклись. Каждый, время от времени, протягивает к ним руку, чтобы покрутить. В моём попечении таких прутиков два, и я верчу их попеременно.

– Один мне, один тебе, один Умнику, – считает Цыпа, – а четвёртый кому?

– Разделим и сами съедим! – отвечаю без малейшего промедления.

– А... *ему* можно... ну, отдать?

Она робко кивает в сторону лагеря, где народ уже развёл свой костёр. Я разворачиваюсь и молча смотрю на неё. Просто эта просьба застала меня врасплох, так что даже дар речи пропал.

Почему люди так слепо ему доверяют? Как же так вышло, что всем он нравится, даже Цыплёнку? В чём фокус?

Со мной он не такой, как с другими. Со мной он агрессив-

ный и злой, а с другими спокойный, уверенный. И вполне понятно, почему: я единственная, кто его раскусил, поэтому передо мной ему не нужно разыгрывать свою роль.

Я так проваливаюсь в собственные думы, что не замечаю, как от леса отделяется тень. Вернее, замечаю, но не придаю должного значения. Вместо нормальной логики, в моей голове в это мгновение царствует какая-то отчаянно кривая, размякшая «недо-логика». Я распрямляю спину и плечи, чтобы казаться стройнее, кровь приливает к моим щекам... а лучше бы к мозгу.

И только когда прямо перед моими глазами проносится нога в серой штанине, до меня доходит, что вся наша конструкция летит ко всем чертям, а грибы вместе с палочками – в костёр.

– Я же сказал! Грибы выбросить!

Вначале я оторопело смотрю на то, как тонкие деревянные веточки теряют свою прямую форму и очень быстро прогорают, разделяясь на более мелкие фрагменты, как кусочки грибов чернеют и обугливаются.

– Ах ты, с-с-сволочь... Ах ты, гад... – выдыхаю вначале шёпотом, потому что от шока голос пропал.

Но он почти сразу возвращается с удвоенной силой:

– Да как же ты меня БЕ-Е-Е-СИШЬ!

Резонанс от моего ора расходится по всему лесу и отразившись от гор, возвращается эхом. Я даже на ноги вскакиваю и вытягиваюсь в струну, чтобы быть... на этот раз, зло-

вещее.

– Ты меня тоже бесишь! И поверь, не меньше! Ещё двое таких же «умных», как ты, пропали неизвестно где! Собири-це дебилов какое-то!

Я смотрю на него в упор, переваривая информацию, но почему-то она оседает не в том месте, в котором надо. Где-то на заднем плане я слышу робкое «Ребята, усьпокойтесь! Мы все усьтали просьто...», но состояние моё – неменяемое бешенство. Тьма в глазах и в голове. Трясущимися от злости руками я разматываю связанные вокруг талии рукава толстовки, размахиваюсь и швыряю ему в лицо. Как-то странно дёрнувшись, он хватается за щёку. Вначале я думаю, что от неожиданности, но потом, когда он убирает от лица руку и смотрит на свои пальцы, на них видна кровь. И хотя к этому моменту совсем уже стемнело, и свет от огня искажает все оттенки, она настолько яркая, болезненно алая, что я мгновенно остываю. Прихожу в себя.

Цыплёнок сидит на песке, закрыв лицо ладонями и тихонько всхлипывает. Умник бурчит что-то неразборчивое себе под нос.

– Эй! У вас всё в порядке? – внезапно доносится голос от второго костра в лесу.

Это Леннон. Он даже привстал, стараясь разглядеть нас получше.

– В полном, – получает такой сухой, что даже как-то скрежущий ответ.

Он наклоняется, поднимает толстовку и, зажав её в руке, уходит. На этот раз к людям. Я смотрю ему в след и вижу, как изредка он подносит руку к лицу, пока идёт – очевидно, вытирает кровь.

У меня и в мыслях не было причинять ему любой физический вред. Как такое могло получиться? Потратив почти весь остаток вечера на размышления, я прихожу к выводу, что всё дело в металлической молнии. То ли её зубцы неудачно оцарапали его лицо, то ли бегунок.

Он даже не был в лагере. Вынырнул из темноты с совсем противоположной стороны. И вот, где он был? При том, совершенно один? Да почему же никто кроме меня не задаётся такими простыми вопросами? Кто все эти люди? Клоны овец?

Глава 10. Охрана

Угрызения совести терзают ровно до того момента, как общество начинает укладываться спать. И не потому, что я чёрствая или бессердечная. Как раз наоборот: слишком эмоционально воспринимаю комедийно драматическое представление «Кто первая займёт место для ночлега рядом с *ним*».

– Смотреть противно, – бурчу и поправляю ветки-настил для ночлега.

– Почему? – спорит Цыплёнок. – Все хотят ощущать себя хотя бы в относительной безопасности, пока спят. А рядом с ним безопаснее всего.

И тут я обнаруживаю, что когда она смотрит на тех, кто успел отхватить себе место рядом с подстилкой вождя, в её глазах как будто... зависть?

В эту ночь, когда рассеянность и слабость, связанные с первым пробуждением, уже полностью исчезли, каждый из нас старается позаботиться о комфорте. Не знаю, кто первым придумал ломать еловые ветки и делать из них подобие матрасов, но его примеру последовали и все остальные. Поскольку толстовки у меня больше нет, приходится и одеяло тоже соорудить из таких же веток и листьев. Укрывшись, ощущаю себя медведем в берлоге, но за этот первый и самый нелёгкий день я устала так сильно, что засыпаю, не обращая

внимания на мысли о гусеницах и мелких насекомых, живущих с вероятностью сто процентов в листьях подо мной и надо мной. Закрываю глаза и стараюсь разглядеть в себе хоть какие-нибудь воспоминания. Может быть, в сознании, разморенном сном, приоткроется хотя бы одна дверь, за которой я увижу свет памяти?

Просыпаюсь посреди ночи то ли от чьего-то храпа, то ли от уханья ночной птицы где-то совсем поблизости. Стволы сосен, чуть более чёрные, чем окружающая их тьма, навевают ужас, но... воды я от жадности выпила очень много накануне. К тому же, кто-то сказал, что, наполнив желудок водой перед сном, можно обмануть голод хотя бы на время, пока уснёшь.

Я отодвигаю ветки, консервирующие моё тепло, и холод ночи обжигает. Так сильно, что меня почти сразу начинает потряхивать. Надо же, думаю, днём не знаешь где укрыться от жары, а ночью так холодно, что даже дыхание образует пар.

Кто-то улёгся прямо напротив моих ног. В темноте я едва не наступаю на него, но вовремя успеваю сделать свой шаг шире. Ветки, поломанные моей ступнёй шумно хрустят, и я замираю. Но никто не просыпается, поэтому я двигаюсь дальше.

Не успеваю отойти и на пару десятков метров, как чувствую, что позади меня кто-то есть.

Останавливаюсь и резко оборачиваюсь – он тоже встал и

не двигается.

И мы застреваем в этом «смотреии» в глаза друг другу. Из всего, что происходит в этом месте, в этом сумасшедшем мире, наши регулярно примагничивающиеся взгляды – самая странная вещь из всех.

– Я не хотела!

– Знаю.

– Извини!

– Хорошо.

«Хорошо», а глаза не отрываются. Как и мои, впрочем.

– Раз так, можно мне, пожалуйста, одной... отойти?

– Нет.

– Почему?

– Потому что это лес. И звери – не самые опасные в нём животные.

Ну, разумность в его доводах присутствует, это сложно отрицать.

– Я отвернусь, – обещает.

Лунный свет прекрасно освещает его лицо. Я смотрю то на его царاپину, то в глаза. Очень странная штука – доверие. Вроде бы и должно подчиняться логике, а нет! Вырывается из-под её контроля и живёт, как хочет. Ну вот почему я... тоже ему доверяю? Почему не испытываю ни страха, ни тревоги рядом с ним, ведь видела же, как он избивал человека! Причём, что бы я ни говорила себе или людям, с самого начала оно у меня было. Всегда. Может, есть что-то ещё, свя-

занное с ним, какое-нибудь событие, которое я не помню, но оно осело где-нибудь в подсознании?

Когда возвращаемся, постель у моих ног оказывается пустой. Кто-то ещё, наверное, захотел в туалет, кто-то, кого я всё-таки разбудила.

Я укладываюсь на своё место, укрываюсь ветками с головой и приказываю себе игнорировать завывания в животе. Завтра будет другой, не менее нелёгкий день, еда найдётся хоть какая-нибудь, но, чтобы добыть её, мне понадобятся силы. Много сил.

В ту ночь мне снится ребёнок, точнее, мальчик. Самое примечательное в нём – улыбка. Он как-то... сияет ею, что ли. Мы сидим рядом на деревянной перекладине и болтаем ногами. У него очень много волос на голове, и я рассматриваю их, а он усиленно мне рассказывает наше будущее. Потом я не смогу вспомнить, что именно он говорил, но чувство... полного беспечного комфорта, которое я при этом испытала, остаётся со мной до самого конца следующего дня.

Глава 11. Любить его будет больно

Утром, когда я открываю глаза, постели у моих ног уже нет. Ещё не все проснулись, но многие уже разбрелись по лагерю, большинство заняты омовением у бассейнов с водой.

Цыплёнок тоже уже проснулась и выглядывает из-под веток, смотрит на меня своими бледно-голубыми глазами.

– Доброе утро, – говорю.

– Доброе утро, – улыбается в ответ.

– Доброе утро! – здоровается с нами кто-то третий.

Это Джон Леннон собственной персоной. Физиономия у него довольная.

– Вставайте. Он ждёт вас на пляже.

И он действительно ждёт. Стоит, широко расставив ноги, засунув руки в карманы своих штанов, и смотрит на... берег без воды. Бескрайний.

– А вода где? – вырывается у меня тут же.

– Отлив, – объясняет Леннон. – И судя по его протяжению, мы не на берегу моря. Это океан.

Идти по обнажённому океаническому дну довольно забавно. Кое-где уцелели водоросли и смиренно ждут, прижавшись к песку, когда вода вернётся. Крохотные крабы то тут то там поспешно меняют место своей дислокации, и тут же покоятся внушительные останки их взрослых сородичей.

– Прилив уже начался, – ровным и безэмоциональным го-

лосом сообщает нам *он*. – У вас не больше пары часов, и нужно поторопиться.

– Поторопиться куда? – спрашивает Цыплёнок.

– Набрать еду. Я же сказал, что еда будет сегодня.

Последние слова он произносит, кротко взглянув на меня.

– О, это очень хорошо! – радуется Цыплёнок. – Мы голодны.

– Да, все уже оголодали, – поддерживает её Леннон.

– А где... еду набирать? – интересуюсь я.

– Здесь.

Едва он касается руками мокрого песка, я сразу понимаю, зачем. Там, гораздо глубже, в мокрых слоях морского дна спрятались на время отлива раковины с моллюсками. Их можно есть! Их очень даже можно есть!

Всё это всплывает в моей памяти одной большой волной, как будто был штиль, но вот подул ветер и внезапно нагнал одну единственную лазурно голубую гору воспоминаний. *Мои руки снимают мокрый песок слой за слоем, торопятся в азарте совершить находку первыми, пока те другие руки роют свою уже вдвое более глубокую ямку. И вдруг мой палец пронзает острая боль. Я отдёргиваю руку, но по всей ладони, перепачканной мокрым песком, уже струится кровь.*

– Осторожно! Не порежься осколками раковин! – почти вскрикиваю я.

Он на мгновение застывает, потом поднимает глаза и

впервые смотрит на меня. Не впервые вообще, но впервые не как вожак, а как человек. И делает это так долго, что мне даже становится неловко. Потом, словно опомнившись, возвращается к своей работе. Я не замечаю, что бы его движения как-то изменились, но в то же время задумываюсь о том, откуда в моей голове все эти картинки? Откуда эти знания? Словно всё это уже было.

Добывать моллюсков оказывается просто, хотя закапываются они очень глубоко – иногда на расстояние больше метра в глубину. Чтобы дышать, им приходится приоткрывать раковину и высовывать длинную ногу на поверхность. Похожа она на хобот какого-нибудь ужасного доисторического животного и выглядит, прямо скажем, не очень. Когда моллюск затягивает ногу обратно, в песке остается углубление. По этим углублениям их и можно вычислить – чем оно больше, тем больше раковина, и тем глубже она прячется. Чем меньше это углубление – тем меньше придётся копать, но и обед будет скромнее.

– В них полно протеинов, витаминов, и других необходимых селовеку весесъв! Одного такого хватит, сътобы обесъпесить энергией и силами на пару дней! Это грандиосъная находка, Альфа!

О боже, думаю. Ну почему же я не вспомнила об этих моллюсках первой? Это были бы сто очков на мой счёт. Люди были бы мне благодарны и, как следствие, стали бы прислушиваться к моему мнению.

– Возьмите ровно столько, сколько нужно для еды на один раз. Хранить их нельзя, – командует наш герой.

Надо сказать, я тоже ему признательна за эту идею. Откуда-то мне известно, что моллюски – это вкусно, полезно, сытно.

Двое парней из лагеря направляются в нашу сторону. Подходя к нам, они зовут его:

– Альфа!

Я вижу, как перекосило его лицо. Ему не нравится, когда его так называют, но предложить людям другое имя он не может. Или не хочет? Или не может, но не по той же причине, по которой все остальные? В любом случае от того, что он испытывает дискомфорт, я тоже чувствую неловкость. Это ведь я его так «нарекла». В тот момент и подумать не могла, что издёвка станет его титулом.

– Двое так и не вернулись, – сообщает один из подошедших.

– Я знаю, – сухо отвечает он.

Ага, думаю. Значит, не все тут овцы. Есть и другие, кто может соображать. Ну, или хотя бы ставит весь этот коллектив под сомнение вместе с его вожаком.

– Леннон, мне понадобится помощь. Пойдёшь со мной?

С каких это пор вожаки просят, а не приказывают?

– Конечно.

– Умник, остаёшься за главного, понял? Проследи, чтобы все поели.

Ага! Привилегия быть уважаемым и иметь право выбирать, оказывается, предоставляется не всем. Вот вам и расслоение общества.

– Будет съделано! Даже не беспокойся.

– И ещё раз: моллюсков возьмите ровно столько, сколько нужно для еды на один раз. Хранить их нельзя.

– Я сънаю! Отравления могут быть ужасными. Вплоть до летального исхода!

– Не знаю насчёт летального, но за... людьми нужно следить. Понимаешь? И за девочками присмотри.

Он бросает в мою сторону недобрый взгляд, открывает было рот, чтобы что-то ещё произнести, но затем просит:

– Отойдём на пару слов, Умник.

Глядя им вслед, я задумываюсь. Может ли быть такое, что ему не нравится не только имя, но и статус? Может ли быть такое, что он вынужденно взял на себя роль предводителя? Может ли быть такое, что я ошиблась на его счёт?

Мы с Умником быстро приходим к мнению, что к добыче обеда следует привлечь всё население нашего лагеря, за исключением пропавших и тех, кто отправился на их поиски. Прилив очень скоро накроет наш сад морских фруктов метрами ледяной солёной воды.

На моё удивление копать моллюсков приходят не все. Ну, по крайней мере, мне не удастся насчитать пятнадцать положенных человек.

– Интересно, – говорю, – а где остальные?

– Ну, может плохо себя чувствуют? – предлагает Цыплёнок. – Вчера многим было плохо, болели животы.

Меня начинает раздражать её привычка вечно всех оправдывать. Я искренне не понимаю, почему работают не все, а кушать будет каждый? С другой стороны, она права: животы вчера болели. Подозреваю, что у всех. И у тех, кто не добыл еду – от голода, и у тех, у кого получилось её найти – ещё сильнее.

Моя раковина оказывается просто огромной – больше двух моих ладоней. Ею при желании, если не жадничать, можно накормить троих. Цыплёнку тоже удастся добыть раковину, но у неё маленькая, меньше средней.

– Ничего! Мне хватит! – улыбается она.

Надо же... такое ощущение, что у неё никогда не бывает ни занудного настроения, ни отрицательных эмоций. Отложив свою добычу в сторону, она тут же бросается на поиски другого углубления, и на этот раз ищет побольше. Заметив, что я наблюдаю за ней, объясняет:

– Он вернётся голодным.

А я думаю: «Не он, а они». В лагере отсутствует четверо парней. Всё то время, пока мои истерзанные песком и мелким ракушечником руки роют вторую яму, охотясь за ещё чьим-нибудь обедом, я ставлю под сомнение не собственный альтруизм. Мне интересно, как называется чувство, которое я испытала, когда Цыпа проявила заботу о нём.

Вода прибывает слишком быстро. Её температура на-

столько низкая, что босые ступни словно сжимают промышленными тисками – так больно. И я обнаруживаю в себе упорство: невзирая на боль, на усталость, из последних сил ускоряюсь. Моя яма стремительно наполняется водой, сочащейся из её стенок, но это мне даже немного помогает – жижу выгребать намного легче, нежели грести стёртыми пальцами грубый песок. И у меня получается добыть ещё одну раковину. Эта величиной с три моих руки.

FINNEAS – Love is Pain

Возвращаются они, когда на берег потихоньку начинают опускаться сумерки. Оба невесёлые. Леннон сразу спешит к людям, и уже через минуту в деревне слышен девчачий смех и его заводной хохот.

Главный идёт напрямиком к морю – ищет уединения. В том, как он опускается на песок, бездна усталости. Я хмурюсь, глядя на него. Сегодня весь день меня занимали глубокие думы и ещё более глубокие сомнения.

Он поднимает к голове руки. Растопырив пальцы, совершает такое движение, как если бы машинально собирался пропустить между них пряди волос. Ага, думаю, значит до этого приключения лысым ты не был. И волос когда-то было много, судя по тому, как широко ты загребаешь то, чего теперь нет, и они точно не были короткими. Он замирает, словно впервые не обнаружив шевелюры, потом проводит ладонью по черепу и уже обеими руками по лицу.

Надо сказать, он уже не лысый. За эти дни его череп по-

крылся тем, что на подбородке было бы щетиной, но у него просто очень короткие волосы, четко обозначившие направление своего роста.

Вижу его не только я. Цыпа тоже. Смотрит, как замороженная. Затем внезапно подскакивает, будто кто-то её со всей силы подбросил, и в руках у неё я замечаю запечённую на костре раковину – она не выпускала её весь вечер, берегла, чтобы никто «случайно» не подумал, что это лишняя порция. Вначале она резво бежит к нему, перепрыгивая песочные барханы и кусты изумрудно-белёсой травы, но приблизившись, замедляется и стоит какое-то время позади, словно растерявшись или испугавшись.

Он чувствует, что не один, и разворачивается, смотрит то на раковину, то на заботливую девушку. Затем его напряжённое лицо разглаживается и расплывается улыбкой. Нормальной.

Это впервые, когда он улыбается, и это...

Как же называется это чувство? Я испытываю его не в первый раз. Причём, теперь ещё острее. Чувство неправильности? Несправедливости? Обиды? Да, идея сохранить еду для тех, кого нет в лагере, была её, но раковину ведь достала я.

Она усаживается рядом с ним и что-то рассказывает, пока он ест. Он не торопится, хотя видно, что за этот день во рту его не побывало и маковой росинки. Усталость, которая залегла под его глазами тёмными кругами, линиями на лбу и заломами у его рта, словно разглаживается, рассеивается.

Он снова смотрит на неё. И снова. И снова. Потом что-то говорит, она залиvisto хохочет, чуть запрокинув голову, и он опять улыбается. Ей.

А у меня это пакостное чувство... щемящей тоски где-то под рёбрами.

Глава 12. Гигиена

Однако заикливаться на отрицательных эмоциях некогда. Я – судя по всему, человек практичный и приземлённый – почти мгновенно переключаюсь на вопросы бытового характера.

Уже на второй день жизни без памяти хронический голод вытесняет на задний план острая потребность помыться горячей водой. Особенно в интересных местах. Мысль лихорадочного рыщет в закоулках полупустого сознания в поисках решения этого животрепещущего вопроса и, в конце концов, находит.

Вдоль всего побережья этого дикого и необитаемого места, будь оно островом, полуостровом, или просто куском суши у моря (мы ещё не знаем наверняка), можно найти мусор цивилизации. Чаще всего это пластиковые бутылки разных цветов и степени прозрачности, фрагменты полиэтилена, куски ментолового цвета верёвки, ошмётки рыболовной сети и другие пластиковые останки.

В первый день, когда мы с Цыпой возвращались с поисков воды, я заметила полузарытую в песке металлическую ёмкость. Тогда моя голова была целиком занята более насущным вопросом – поиском еды, теперь же, когда голод вечно с тобой, но поступление пищи в организм происходит относительно регулярно, всё, о чём крутятся мысли – это ка-

кой-нибудь металлический сосуд, который можно было бы поставить на горячие угли и спустя время получить немного горячей воды.

И в моей памяти всплывает торчащий из песка бочок чего-то предположительно цилиндрической формы сделанного из металла. В моих надеждах и мечтах это нечто приобретает образ алюминиевой кружки.

На её поиски я и отправляюсь днём, когда становится ясно, что жизни Цыпы ничто не угрожает. И на этот раз удача улыбается мне во весь рот – предмет, закопанный у песчаных дюн почти уже около леса, действительно оказывается алюминиевой кружкой. Она покрыта коррозионными пятнами и выпавшей в осадок солью, однако всё ещё цела и пригодна для использования. Я долго оттираю её мелким песком и ракушечником, так что она даже начинает сиять новизной. Ну, почти.

Деликатную гигиеническую процедуру решаю отложить на то время, когда все улягутся спать – всё-таки по территории нашего лагеря и в радиусе пары километров от него постоянно шастают десять парней. Да и девушек в свидетели тоже не особенно хочется получить.

Я жду, пока все уснут, и стараюсь не крутиться, чтобы не вызывать ни у кого подозрений. Как только всё стихает, вылезая из своего относительно тёплого убежища и сразу же жалею, что не назначила процедуру на дневное время – от холода меня аж трясёт. Зато у затухшего костра тепло, и по-

ка вода греется в кружке на углях я едва не засыпаю. Мне также приходит мысль, что полу остывшие угли можно как-то придумать использовать, чтобы согреться ночью.

– Ладно, – говорю себе под нос. – Подумаю об это потом. А пока надо уже по-быстрому решить вопрос с омовением, а то не уснуть же – всё же чешется.

Самое простое в данной ситуации было бы отойти на пару шагов в лес, но лес ночью – это даже для моей феноменально устойчивой психики сильный перебор. Не то что бы мне было прям страшно, но... страшновато.

Поэтому я выбираю берег. Там открыто, достаточно светло благодаря лунному светильнику, местность просматривается далеко, и медведи к морю не подходят – делать им тут совершенно нечего. А если всего пару сотен метров пройти в сторону, начнутся каменные валуны, за которыми и можно будет, наконец, спрятаться.

Но стоит мне завернуть за такой камень, очень даже подходящий по высоте, как мой рот накрывает что-то очень внезапное и сильное. Мои руки и всё моё тело в долю секунды обездвижены, и нечто внушительных габаритов тащит его за камни в лес. А я – тряпичная кукла, которая от шока и неожиданности даже не способна сообразить, что надо же сопротивляться!

Сделать это удаётся только в лесу. Кто-то продолжает удерживать меня так крепко, что дышать тяжело, придавливает грудью к стволу дерева.

– Тише! – вдруг шипит на меня. – Это я.

В моей крови так зашкаливает адреналин, что я не сразу понимаю, кем бы могло быть это «Я».

– Сейчас отпущу тебя. Главное не шуми! Не шевелись! Не издавай ни-ка-ких звуков!

В ответ я начинаю брыкаться. Не знаю, проснулся ли инстинкт самосохранения, но голос «Я» теперь не просто узнаю, он мне до боли знаком.

– Тише! – шипит он. – Сейчас всё испортишь! Смотри вон!

Он удерживает мою голову и туловище так, что даже если бы я и хотела дёрнуться, не получилось бы. Мои спина и затылок прижаты к его груди, а вся моя передняя часть – к дереву. Даже ноги скованы одной его ногой. Спрут самый настоящий.

Вдруг я вижу ещё человека. Он выныривает из-за камня, следуя тому же маршруту, что и я. Его фигура двигается вначале на нас, и я даже успеваю подумать, что мучить меня теперь будут двое, но человек сразу сворачивает, как только камень заканчивается. Обходит его вокруг один раз, затем ещё раз. Он явно удивлён обнаружить... вернее, не обнаружить ничего. Или никого?

Рука, до этого сжимавшая мой рот, ослабляет хватку. Так как я молчу и больше не вырываюсь, потому что сосредоточенно наблюдаю за человеком на пляже, меня отпускают со всех сторон. Хотя грудь его, придавливающую меня сзади я

бы вернула. В плену было, по крайней мере, тепло. А теперь меня трясёт вдвойне: и от страха, и от холода.

Мы стоим за деревом молча, каждый теперь по отдельности, и наблюдаем, как человек на пляже рыскает между камнями, проходит дальше по берегу, потом возвращается, снова обходит вокруг моего камня дважды. К этому времени мы уже даже не стоим, а сидим на игольчатом настиле из сухой сброшенной хвои под деревом. Наверное, это сосна, думаю я. Хотя, других вариантов и нет – на побережье лиственные деревья не растут.

Мне уже очевидно, что человек ищет меня. Вопрос в том, зачем?

– Кто это? – спрашиваю шёпотом.

Он отвечает не сразу.

– У меня так же точно два глаза, как и у тебя. И они не владеют идеальным ночным видением. Но хромой у нас в лагере только один.

Да, он прав: хромой имеется, и он один. Зачем я ему?

Как только странный преследователь удаляется восвояси, я сообщаю:

– Мне в туалет надо.

– Иди, – позволяют мне. – Недалеко только. Как закончишь, отведу в лагерь.

Потом добавляет:

– А кружка зачем?

Хоспади, думаю, хорошо, что темно и не видно, какая я

красная.

– Ничего интересного для тебя.

Он смотрит на меня во все глаза, явно подозревает в чём-то нехорошем.

– Просто помыться надо!

– А, – говорит он. – Ну так ты ж всю воду расплескала. Давай, пошли уже, наберём заново.

– Не я расплескала!

Но он делает вид, что не слышит, шурует себе по направлению к лагерю. И всё, что мне остаётся – это бежать за ним след.

– Мне тёплая нужна...

Не знаю, почему мне так стыдно сознаваться в своих потребностях, потому что Альфа реагирует на них куда как более естественно:

– Согреем.

Уснуть невозможно. Адреналин всё ещё в крови, хотя вокруг и храпят люди. Все на месте, насколько я могу судить – и Хромой, и Альфа. Моя логика в полном раздрае, как и уверенность в собственной правоте. Чего хотел от меня Хромой? Если ничего плохого, то почему ни разу не окликнул? Он появился почти сразу за мной, значит, не мог не видеть. Почему и зачем Альфа «показал» мне «преследователя»? Он же мог просто показаться... ему достаточно было всего лишь появиться на сцене, чтобы Хромой отменил все свои планы, если они у него были. А если всё это постанов-

ка? Заранее продуманный и разыгранный спектакль? Зачем это Альфе? Восстановить моё доверие. Зачем это Хромому? Да он же безвольный раб – что прикажет хозяин, то и выполнит. Даже если задание потенциально может ему навредить.

Кому верить? Кого опасаться?

Что, если я до сих пор ошибалась? Только вот, в ком?

Глава 13. Орехи

На следующий день отлива нет. Вернее, он есть, но совсем не такой, какой нам нужен. Вода отходит всего на несколько метров, а моллюски у самого края прибоя не живут: сколько бы мы ни рыли, даже там, где есть углубления, под ними ничего нет.

– На приливы и отливы влияют Луна и Солнце, – задумчиво вспоминает Умник. – Поэтому их частота и сътепень меняются в зависимости от дня месяца и времени суток.

Я понимаю две вещи:

Первая. Альфа соображает и ориентируются на ходу.

Вторая. Он не знал, когда будет отлив. Если бы знал, придумал бы, как запастись провизией.

Можно же, например, было организовать нечто вроде хранилища для моллюсков в песке и регулярно поливать их водой? Вечно они бы там не прожили, но до следующего обеда протянули бы наверняка. Для такого смекалистого парня, как Альфа, подобное решение – просто раз плюнуть. Так почему же он не додумался до него? Потому что не знал графика и протяжённости приливов и отливов в этой местности.

Парни придумали охотиться на рыбу при помощи заострённых копий. Сделать такое копьё сложно – нет достаточно острых инструментов. Всё, что мы можем себе позволить – это раковины от вчерашних моллюсков. На одно такое копьё

у меня уходит несколько часов, но оно оказывается не самой сложной частью операции. Здесь обитает плоская рыба, которая зарывается в песок. Некоторые особи достигают такого внушительного размера, что теоретически попасть в неё заострённой частью копья должно быть не так и сложно. На деле же получается это даже не у всех парней. Вода настолько ледяная, что мне приходится каждые пять минут выбегать на сушу и согревать ступни, закапывая их в нагретый солнцем песок. Спустя два часа безрезультатной беготни туда-сюда, я понимаю, что мой единственный шанс поесть сегодня – это лес.

– В лесу живёт медведь! – напоминает Цыплёнок.

Её глаза раскрыты так широко, что похожи на тарелки с небесно-голубыми доньшками.

– Я помню. Но если мы не будем есть хотя бы раз в сутки, силы добывать еду быстро закончатся. Ты думаешь, кто-то из этих людей накормит тебя?

Она бросает взгляд в сторону парней на берегу. Эта группа отделилась от остальной по очень простому принципу – каждый из них смог поймать рыбу. Некоторым удалось сделать это дважды.

Они без зазрения совести взяли из лагерного костра огонь, развели на удалении собственный, словно подчеркнув, что делиться не намерены, и теперь запекают на углях рыбу.

– Думаю, поделятся с нами. Мы же вчера все вместе отка-

пывали моллюсков.

– Да, но каждый съел то, что выкопал.

– Не каждый, – уточняет она, но я не обращаю на это внимания.

В общем, в лес я иду одна. На этот раз пробираюсь осторожно и изо всех сил вглядываюсь в стволы деревьев в надежде вовремя разглядеть тёмную шерстяную спину. Сейчас лето – полно ягод. Медведь не голодный, а значит, не должен нападать, если только его не напугать.

Я обнаруживаю у себя отличную память на места и умение ориентироваться. Вчера, не отдавая себе в том отчёта, я вела нас с Цыплёнком вдоль склонов и выступов – по ним гораздо легче ориентироваться, нежели по стволам деревьев, которые все похожи друг на друга.

Но по мере продвижения вперёд меня не покидает ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я это чувствую. И когда отчётливо слышу хруст сломанной ветки позади себя, мгновенно прячусь за толстый ствол дерева. Я жду минут пять и выглядываю – никого. Через минуту выглядываю ещё раз – никого.

Но мне не могло показаться. И это ощущение чужого взгляда на затылке – это всё не просто так.

Проходит ещё около десяти минут, но никто не появляется.

Будь это животное, думаю, оно бы уже сдвинулось с места. Значит, человек? Можно вернуться назад и обыскать дере-

вья. Но что, если этот кто-то сильнее меня? Что, если он не просто наблюдает за мной? Что, если он... чего-то хочет?

Я напрягаю память, пытаюсь найти такое место, где можно было бы исчезнуть из поля зрения преследователя хотя бы на время. Спустя минуту в моей голове готов план. Главное теперь – оказаться там быстрее, чем решится напасть тот, кто идёт за мной.

До покатога скалистого склона удаётся добраться уже минут через десять бега, настолько быстрого, что я дышу с трудом. Дыхание срочно нужно успокоить, иначе преследователь услышит меня раньше, чем должен потерять из виду. В том месте, где склон образует острое ребро, я карабкаюсь вверх до выступа – за ним и спрячусь. Делаю это, практически задыхаясь – страх и тревожность не дают держать под контролем баланс сил.

Очутившись наверху, я зажимаю рот обеими руками и максимально растягиваю вдохи и выдохи через нос. Это помогает. Моё дыхание становится нормальным и бесшумным как раз к тому моменту, когда из-за стволов сосен и кедров появляется тот, кого я жду.

Это человек. Мужчина. И я его знаю. Это... Избитый, которого все в лагере теперь называют Хромым. Он действительно прихрамывает на одну ногу, и я даже знаю почему – однажды увидела. На ней у него здоровенный синяк. Сустав тоже опух и кожа вокруг него лилово малиновая, как если бы по нему очень сильно ударили... чем-нибудь. Другой ногой,

например, обутой в большую белую кроссовку.

Хм, думаю. Он шёл за мной по пятам. Что бы это могло значить?

Выяснять сразу мне как-то не хочется. Хоть и хромой, он всё равно вдвое больше меня. Ну, пусть не вдвое, но больше и сильнее. К тому же, ведёт себя этот парень странно. Ни с кем не сближается, держится обособленно, но ест жадно, много и всегда успевает. Очевидно, ему тоже ничего не удалось поймать, и он решил, что я знаю, где можно достать другую еду.

Он долго ходит кругами вокруг и прислушивается. Причём делает это настолько... по-звериному, что в какой-то момент его уши и впрямь начинают казаться волчьими.

Я вспоминаю, как Альфа, вновь уходя утром на поиски пропавших, окликнул меня, и когда я подошла, сделал шаг, чтобы быть ещё ближе, и прошипел на ухо: «Держись от него подальше!». Ему не нужно было показывать пальцем. Я хорошо поняла, кого он имел в виду. Возможно, в том числе и по этой причине не бросила своё копьё на берегу, а взяла с собой.

И я ложусь плашмя, прижимаюсь всем телом к камню – рано или поздно он додумается поднять глаза. Мой выступ здесь не один, и подняться на него не так и просто. Мне повезёт, если Хромой не догадается, что я здесь, или сделает вид, что не догадался – с больной ногой забраться сюда ему будет сложно, а у меня есть пути к отступлению.

Внезапно я покрываюсь мурашками, у меня даже волосы дыбом встают: как же он гнался за мной с настолько большой ногой? Как же это вообще возможно? Или ему действительно очень сильно было нужно меня догнать? Зачем?

А солнце, тем временем, выползает из-за склона и постепенно заливает площадку, на которой я прячусь. Кожа на лице и руках снова начинает печь, и я не придумываю ничего лучше, чем лечь лицом вниз и спрятать под себя руки. Белая ткань футболки, прикрывающая мою спину и плечи – это конечно не стопроцентная защита, но лучше, чем ничего. Может, вот он, его план? Притворяться, будто не знает где я, пока не изжарюсь заживо или спущусь сама?

Но у него, похоже, нет никакого плана. Он словно мается – бродит от склона к лесу и обратно, иногда садится на землю, и, обняв колени руками, раскачивается. От этой картины мне становится не просто страшно... Когда не знаешь, чего ожидать – это всегда самое жуткое.

Внезапно из лесу доносится хруст и шуршание. Слышу это не только я, но и Хромой. Он даже привстаёт, словно охотящийся зверь. И в одно мгновение ока срывается в направлении шума.

И даже теперь я не доверяю обстоятельствам. Что если он воспользовался этим шумом, чтобы обмануть меня и сделать вид, что ушёл?

Выступы на этом склоне выглядят преодолимыми, и я решаю подняться выше – может быть, даже на самый верх –

насколько хватит сил и проходимого пути.

У меня получается. Уже полчаса спустя я стою на вершине скалы. Перед моими глазами завораживающая картина: лес, не густой, потому что выживающий на скалистой местности, наша маленькая речка, собирающая в себя все окрестные ручьи, заснеженные макушки гор вдали и океан позади меня, отделённый пройденной полосой хвойного леса. Отсюда мне легко видны все ореховые деревья в округе – будто зная наперёд, что голод теперь – это постоянный спутник, я запомнила, какого цвета были листья дерева, которое однажды уже накормило меня. Их форму не увидеть с этого расстояния, но цвет и текстуру кроны вполне можно. Я выбираю самое большое и самое близкое ко мне дерево, такое, добраться до которого было бы проще и быстрее всего. Солнце уже не так сильно палит кожу, оно словно устало за долгий день и теперь льёт свой золотисто-оранжевый свет только туда, куда достанет.

Мой мир настолько прекрасен, что даже голод становится не таким острым и требовательным. Страх растворяется в золоте света, в изумрудной зелени лесной шубы, одевающей склоны гор. Я вижу источник треска и шуршания, избавившего меня от выматывающей осады Хромого – крупную, скорее, круглую медведицу и двух медвежат. И я вновь думаю о своих близких.

Тоска – вот это слово. Я испытываю её почти постоянно. Особенно тяжело по ночам, днём легче, потому что днём го-

лова и руки заняты добычей еды.

Мне удаётся найти много орехов, но я беру ровно столько, сколько помещается в завернутый подол футболки так, чтобы обе руки были свободны. В одной у меня заточенное для ловли рыбы копьё – мало ли, для чего ещё оно могло бы мне пригодиться в лесу, а в другой дубина. Я не случайно на неё набрела, а долго искала подходящую. С таким вооружением чувствую себя увереннее и свободнее.

Все остальные опавшие орехи, ещё не найденные ни людьми, ни животными, я закапываю под деревом. Вторую закладку делаю неподалёку от лагеря – с другой стороны ручья, в песке на пляже. Почему-то пляж всё же кажется мне самым безопасным местом, невзирая даже на ночное происшествие с Хромым.

Цыплёнок получает от меня десять орехов, но съедает только пять. Другие пять бережно заворачивает в край своей футболки. Я даже не спрашиваю, зачем, вернее, для кого.

Глава 14. Тайник

White Rabbit – Jefferson Airplane Surreal

Ей стало плохо не сразу. Прошло, может быть... минут тридцать-сорок. Вначале появилось красное пятно на плече.

– Что это?

В её глазах испуг, но паники ещё нет.

– Я не знаю, – говорю. – Может, ты оцарапалась где-нибудь?

– Нет! Я точно помню. Ну, то есть, я хочу сказать, с памятью у меня конечно, проблемы, как и у всех, но я не царапалась!

– Хорошо-хорошо! Всё пройдёт, не переживай.

Пятно краснеет на глазах.

– Пойдём к ручью... попьём, – предлагаю. – Можно попробовать сполоснуть водой это место, ну а вдруг поможет?

Что ещё я могу придумать?

У ручья она начинает нервно чесать живот, и я понимаю, что дело дрянь.

– Посиди здесь, я Умника найду.

Когда мы прибегаем к ручью – уже втроём с Умником и Рыжей – Цыплёнок едва способна понять наши вопросы – всё её тело покрыто алыми пятнами, практически на глазах превращающимися в малиновые.

– Это аллергическая реакция, – констатирует Рыжая. – И

похоже, сильная.

Умник кладёт руку себе на лоб и выдаёт протяжное «У-у-у» – как будто хоронит уже кого-то, Рыжая отступает на полшага назад. Я припоминаю, что такое аллергическая реакция – это не должно быть заразно, но в режиме выживания лучше принять меры предосторожности.

Спустя ещё минут десять у Цыплёнка появляется отдышка, а через час мы видим первые судороги.

– Ей крышка. Без медицинских препаратов мы ничего не сделаем, – с прискорбием сообщает Рыжая.

В ней есть определённая доля чёрствости – это я уже успела понять, но сейчас ей так же тяжело быть свидетелем нелепой смерти, как и нам с Умником.

– Предположим, что мы – часть эксперимента, – рассуждаю вслух. – Пусть у него разные цели, но все они объединены словом «социальный». В таком случае, наша смерть не является целью, она может быть только побочным эффектом. Поместив нас в суровые условия выживания, они должны были позаботиться дать шанс тем, у кого есть смертельно опасные заболевания. То есть, если, к примеру, у человека астма или больное сердце – у него должны быть при себе лекарства, снимающие приступ. Это как... уравнивать его шансы на выживание и борьбу за место в социуме с остальными.

– Если бы это было так, ещё пару часов назад над нами кружил бы вертолёт с командой спасателей.

– И весь эксперимент сорван? Двадцати людям стёрли па-

мать, представляешь объём работы?

– Это не хирургическое вмешательство – ни у кого нет шрамов на черепе.

– Даже если использовали гипноз, не думаю, что это так просто.

– И сьто? Про медикаменты? Продолжай! – напоминает мне Умник.

– Про медикаменты... у неё должно быть что-то с тобой. При себе.

– Может быть, – соглашается, наконец, Рыжая. – Общайте её.

– Я? – вытягивает лицо Умник.

В общем, мне становится очевидным, что обыскивать подружку придётся самой.

В течение всего последнего часа Рыжая восседает, скрестив ноги, в двух метрах от нас – на всякий случай, чтобы не заразиться. Умник всё это время гладит больную по голове, по мягким цыплячьим волосам. А я стараюсь не спрашивать себя, в чём моя проблема? По крайней мере, не сейчас. Я заставляла себя хотя бы взять подружку за руку, но так и не смогла. Потом мне пришло в голову, что за все последние дни я ни к кому другому не прикасалась. Ни разу. Мне это неприятно.

И сейчас дотрагиваться до тела подружки – биосистемы, выделяющей тепло, мочу и фекалии, а также слюну и иное... – мне противно до такой степени, что я закрываю глаза и ду-

маю о холодной воде в заводи.

В её карманах ничего нет.

– Посмотри бельё, – командует Рыжая.

– Бельё давай ты! – рывкаю я в ответ, да так, что та аж деланно откидывает голову и спину назад.

– Полегче, эй!

Я пробую докричаться до сознания Цыплёнка, но оно какое-то неменяемое. То есть, оно как бы есть, она даже иногда открывает глаза, но словно не слышит ничего.

И я представляю себе, как мы её хороним. Как вырываем большую яму на берегу, как Главный вместе с Ленноном укладывают туда её тело, как Умник говорит слова прощания. В моих глазах появляется вода, в носу щиплет, и на этой волне я лезу в её бюстгальтер. Он сделан из кружевной ткани – очень красивый, в отличие от моего. Но ни в какой его части нет потайного кармана, ничего из того, мы надеялись найти.

Трусы... их практически нет. Тоже кружево, но здесь его ещё меньше, чем в районе груди.

– А у неё секси-обмундирование, – комментирует Рыжая. – Умник, хватит пялиться!

– Она умирает! – с возмущением напоминает тот.

И я с ним согласна: как можно думать о чём-то ещё, кроме как спасти человека, когда он явно отдаёт богу душу?

– Да ладно, может, ещё очухается. Штанины проверяли?

– Штанины? – переспрашиваю.

– Да. Низ джинсов у неё посмотри какой широкий. На её месте, если бы я что и хотела спрятать, то положила бы это туда.

Она права. Штанины закатаны и держатся не сами по себе, а при помощи хлястиков на кнопках. При этом они настолько широкие, что при желании там можно было бы спрятать не только таблетку, но и целую аптеку.

В правой мы находим кольцо. В левой – то, что искали. Только, это не таблетка. Это два шприца и две пластиковые капсулы.

– Я думаю, это оно, – Умник практически вырывает находку у меня из рук.

– А если нет? А если это что-то другое? Наркотик, например? Очень похоже, – Рыжая даже приближается к нам, нарушив собственные принципы, чтобы рассмотреть капсулу поближе.

– Да... осень похоше на наркотик, – кивает Умник.

– Но у нас нет альтернатив. Либо мы вкальваем это сейчас, и оно поможет, либо она в любом случае умрёт.

Мой взгляд на вещи простой – нужно действовать.

– А если нет? – снова вносит сомнения Рыжая. – Что если это наркотик, и ты сейчас введёшь ей слишком большую дозу? Тогда она гарантированно умрёт. А аллергическая реакция не всегда фатальна, она ещё может отойти. Вот, смотрите, и дергаться уже перестала.

– Наркотики не бывают в капсулах!

Умник раздражён. Он явно не верит в версию наркотика.

– Мы теряем время, – говорю я. – Если это лекарство, она должна принять его вовремя, иначе и оно не поможет.

Умник надламывает капсулу и набирает полный шприц.

– Вот, – протягивает мне. – Коли.

От вида маленького шприца в моей руке я покрываюсь мурашками. Потом меня бросает в жар, и на мгновение я даже задумываюсь, не может ли и у меня быть аллергической реакции?

– Коли! – приводит меня в чувство Рыжая. – Если она не очухается после этого, мы будем наверняка знать, что во второй капсуле кайф! – подмигивает.

Ну, у каждого свои недостатки, думаю. Мне вот ещё нужно понять, что ещё кроме отвращения к чужим телам и прикосновениям, прячется в моей голове.

Я ввожу иглу в её вену вод наклоном, постепенно выдавливаю из шприца лекарство. Аккуратно вынимаю и кладу на траву. Шприц нужно во что-то завернуть, в широкий лист, например, где-то спрятать, лучше закопать. Откуда в моей голове это желание – сейчас раздумывать некогда.

– Ну, теперь ясно, кто из нас медсестра, – снова подначивает меня Рыжая. – Я вот, например, понятия не имела, куда это засовывать и как.

Действительно. Когда мне поручили сделать инъекцию, я даже не задумалась о том, как это делается.

– Может, я врач? – спрашиваю себя вслух.

– На врача ты по возрасту не тянешь.

– Сколько мне... ну, на твой взгляд?

– Лет... семнадцать–восемнадцать. Ну, в крайнем случае, девятнадцать. Но не больше.

– В семнадцать она не может быть медсестрой. В восемнадцать и девятнадцать тоже. А если это социальный эксперимент, то все мы – совершеннолетние. Её кто-то научил. Кто-то... из близких.

Близкие...

Об этом я много думала в последние дни, вернее, ночи. К трём утра обычно так сильно холодает, что я всегда просыпаюсь, и уснуть обратно уже практически нереально – слишком сильно бьёт дрожь. Что интересно, мёрзнем все, но никто ещё не простудился.

Родители. Кто они? Есть ли они? Живы ли они? Есть ли у меня братья и сёстры, или я одна? Был ли у меня парень? Любили ли меня? Почему мне невыносимы чужие тела? Что со мной не так?

Цыплёнок открывает глаза часто, поэтому момент, когда он становится осознанным, мы пропускаем.

– По крайней мере, она больше не задыхается и не дёргается, – говорю. – Значит, мы всё сделали правильно.

– Или она скоро очокурится, – не унимается Рыжая.

– Посему ты такая? – наконец, не выдерживает Умник.

– Какая?

– Жестокая, – уточняю я.

Рыжая на пару секунд задумывается, но ответить не успевает.

– Ребята... – слышим мы шипение вместо голоса.

– Уф, ну Слава Богу! – подскакивает Рыжая.

– Ка-а-ак ты? – Умник хватает её ладонь и крепко сжимает. – Лучше? Мозесь дышать?

– Могу... но трудно...

– Мы сделали тебе укол, – говорю ей я. – Нашли капсулу в твоей штанине.

– А.... да... – кивает она и пришибленно улыбается. – Там было что-то... я забыла.

Глава 15. Держать ответ

Парни не возвращаются в этот день. Только на следующий, ближе к вечеру. За это время я успеваю обдумать очень многое и о многом пожалеть. Когда их фигуры появляются в поле моего зрения на фоне возгласов и даже вскриков остальных членов нашего коллектива, сердце готово выпрыгнуть от счастья и у меня.

Кроме того, что все четверо всё-таки вернулись живыми и относительно здоровыми, в нашем мире случается новый поворот – рюкзаки. На каждом из парней по пять, то есть, всего двадцать – столько же сколько и нас. Радость встречи очень скоро превращается во всеобщую истерию – каким бы ни было содержание сумок, жизнь каждого из нас преобразится.

Все четверо выглядят уставшими и измотанными. И грязными. От них разит потом так, что у меня слезятся глаза. Но и сквозь эти слёзы мне, наконец, видно, почему все в нашей группе так заморожены единственным её участником.

Всё вокруг меняется с его появлением. Вечер становится теплее, костёр ярче, люди улыбчивее, лес уютнее.словно в давно пустующем доме вдруг загорелся очаг. Или же огонь в нём разжёт необычный человек: всего лишь вошёл в дверь, но от ударной волны его энергии холодные угли вдруг вспыхнули пламенем. В эти дни я поняла, что будь он в лагере,

первым, к кому я побежала бы за помощью, когда Цыплёнку стало плохо, был бы он. Но его не было.

– Ну, как дела? – обдаёт он нас улыбкой.

Вернее, Цыпу обдаёт, а нам – мне, Рыжей и Умнику – достаётся то, что от неё отразилось. Он смотрит на неё не так, как на остальных. Совсем не тем взглядом, каким регулярно «обследует» членов нашего коллектива – ровно три секунды на каждого. Он смотрит на неё долго, мягко и улыбается не только ртом, но и глазами. Они становятся такими... притягательными, когда он щурится.

Цыпа тоже ему улыбается. Причём так... что я даже начинаю подозревать, а не влюбилась ли она? Я бы не удивилась. Он и близко не мачо, но, когда рядом с тобой вдруг возникают эти плечи, руки, вся эта высота его роста, как бы ты не заставляла себя быть бдительной и недоверчивой, чувство безопасности рождается и неумолимо растёт само собой. Рядом с ним спокойно. В нём, вне его и вокруг него живёт уверенность.

Леннон тоже высокий. У него также широкие плечи и крепкие руки, но... мужественность – это ведь не только о телосложении? Есть что-то ещё... неосязаемое, но куда более мощное, определяющее. И это ощущают все: и девочки, и мальчики.

– Просто супер! – пытается перетянуть на себя часть его внимания Рыжая.

Но он даже не смотрит на неё. И на меня тоже не смот-

рит, но, не глядя, подошёл так близко, что я ощущаю щекой тепло, исходящее от его плеча, обтянутого влажной и серой от пыли футболкой. От запаха его пота у меня начинает кружиться голова. Но не в том направлении, в каком она кружится от ароматов всех других невымытых людей в этой деревне. В противоположном.

– Вы ели? – спрашивает он у единственного интересующего его человека.

Она тупит взгляд и перестаёт улыбаться. Остальные тоже не решаются выдавать подробности происшествия.

– Что случилось? – теряет он терпение.

– Ели. Но кое-кто едва не отдал богу душу, – докладывает Рыжая.

– Кто? – тихо уточняет он и, наконец, впервые одаривает Рыжую своим вниманием.

Та не теряетя:

– Она, – кивает на Цыпу.

Я начинаю уважать Рыжую. Эта, похоже, самая бесстрашная тут из всех.

– Она, – теперь кивает на меня, – накормила её орехами. И мы тут едва не стали свидетелями быстрой смерти от анафилактического шока.

Он разворачивается ко мне всем телом. Впервые с тех пор, как вернулся, его глаза смотрят на меня. И моя шея втягивается в плечи автоматически, то есть абсолютно против моей воли. Ему даже говорить ничего не нужно – всё в его взгляде.

Все молчат. Наверное, молча поют мне реквием.

– Что? – защищаюсь, потому что кроме меня делать это, как обычно, не кому. – Я же не знала, что у неё аллергия! На лбу у неё это не написано!

– Да, – как-то утробно рывкает Рыжая. – Как и то, что у неё припасено лекарство на случай приступа. Это какой душой надо быть, чтобы спрятать его и никому об этом не сказать?! А если бы мы... она не догадалась? – Рыжая снова кивает на меня. – Фактически... она спасла твою... подружку от смерти. Если бы не её вечное упёртое стремление во всё засунуть свой нос и разобраться, Курёнка сейчас уже жрали ли бы черви.

Он хмурится и вглядывается в лица каждого из нас. А я краснею от такой поддержки.

– И к тому же, орехов она могла нажраться в любой другой день и набрать их своими руками. Хотя это вряд ли – в лесу нужно уметь ориентироваться, рисковать попасться на глаза крупному животному или... не животному. И думать там надо хорошо, а не хитрить.

Во мне бушует такая мощная эмоциональная буря, что я понимаю только отчасти глубокий смысл сказанного. Больше даже как намёк, потому что всё то, что Рыжая вменяет сейчас Цыпе, станет мне очевидным позднее. Я не умею видеть людей насквозь, а вот у Рыжей, похоже, в этом талант. И я даже начинаю немного её опасаться.

– Хорошо, что у тебя нет аллергии на моллюсков, – стара-

уюсь увести разговор в другую сторону.

– Не знаю, – пожимает плечами Цыплёнок. – Может, и есть. Я не знаю.

– Ну, не было же в тот вечер, когда мы все их ели?

– А я не ела.

Главный, уже успевший повернуться к нам спиной, чтобы ретироваться по своим делам, останавливается, как вкопанный. Рыжая тоже аж уши оттопырила. И все мы получаем хороший такой кусок романтики от нашего группового любовного торта:

– Я отдала свой Альфе.

Меня начинает подташнивать.

– Как это? Ты отдала ему тот... большой. А маленький разве не съела?

– А маленький кто-то стащил, пока я жарила у костра большой.

– То есть, ты моллюска вовсе не ела? Так? – уточняет, нахмурившись, Рыжая.

– Так.

И он, наконец, оборачивается. В его глазах... тепло.

– Если б я не знал, как ты отреагировала на орехи, сейчас бы отругал тебя за этот поступок. Свою еду НИКОМУ отдавать нельзя! НИКОМУ! Если хочешь выжить. Пойдём, у меня кое-что для тебя есть.

И они уходят туда, где у него кое-что для неё есть. Не держатся за руки, но их ладони находятся так близко, словно

они хотят, но не решаются при всех это сделать.

– Спасибо, что поддержала, – говорю Рыжей.

– Да ладно! – хмыкает та. – За вами так забавно наблюдать. Такой цирк!

Я снова не понимаю, о чём она. Но это, в общем-то, обычная вещь. Когда дело касается Рыжей, такое со мной часто случается. И, подозреваю, не только со мной.

Невзирая на всеобщую истерию по поводу рюкзаков, Главный объявляет, что их раздача будет проводиться завтра при свете дня, потому что содержимое каждого персонифицировано. Никто не хочет, чтобы его личные вещи достались кому-то другому, поэтому скрипя сердцем люди соглашаются.

Ближе к сумеркам происходит неожиданное – меня на короткое время навещает сам центр нашей маленькой Вселенной. Он усаживается рядом на песок за барханом, где я прячусь от ветра и рисую пейзаж на песке. Так, балуюсь Главное, здесь ещё не так холодно, как в лесу – песок отдаёт накопленное за день тепло, и я тихонько греюсь.

– Как ты? – спрашивает.

На его голову надет капюшон его толстовки – он чаще всего именно так и ходит – прячет свой уже не такой и голый череп.

– Прекрасно, – вру. – А ты?

– Тоже. Этот... – он кивает в сторону лагеря, – больше не таскался за тобой?

И хотя он не называет никаких опознавательных признаков обсуждаемого персонажа, мы снова оба знаем, о ком речь.

– Один раз. Когда я за орехами ходила.

– И?

– Я спряталась. Он подождал какое-то время, потом ушёл.

И я не уточняю, насколько долгим было это время. Опускаю детали о том, как Хромой «вымораживал» меня часа три, а точнее, «поджаривал» на солнцепёке.

– Хорошо, – кивает. – В лес одна не ходи. Я же предупредил! Это опасно.

– Знаю. Еды не было, – объясняю.

– Это понятно. Но расставляй приоритеты! Голодная смерть наступит ещё не скоро, а что на уме у этого... я не знаю.

– Никто не знает.

Как и то, что на уме у тебя. Он ещё довольно долго сидит рядом, хоть и молча. Цыпа гуляет одна по берегу и пару раз бросает в нашу сторону взгляды. У меня возникает чувство, словно я без спросу взяла чужую вещь.

Глава 16. Имя

Shallou – Silhouettes (Audio) ft. Vancouver Sleep Clinic

Утром Альфа объявляет нам, что все двадцать рюкзаков на месте, и вскоре каждый получит свой. Но вначале нужно выяснить, где чей, потому что их содержимое отличается.

– Похоже, что все мы собирали свои рюкзаки сами и запасались тем, в чём нуждаемся больше всего, – говорит он.

Безрадостно, но все в лагере соглашаются с тем, что нужно подождать и разобраться. Каждый хочет получить именно свои вещи, а не просто чьи-нибудь. Хотя за эти первые дни мы так наголодались и намёрзлись ночью, что, я честно говоря, была бы рада любому рюкзаку, лишь бы в нём оказались тёплая куртка, шампунь и зубная паста.

Позднее, Альфа, Леннон и ещё трое парней располагаются на краю лагеря и что-то бурно обсуждают. Мне, естественно, нужно знать, что, поэтому я якобы по делам прохожу мимо. Неторопливо так. Услышать успеваю только то, что они говорят о социуме. Один из парней произносит «религия – важная часть в построении этой системы». Завидев меня, они умолкают и ничего не говорят, хотя девушки среди них тоже есть – это Цыпа и Рыжая. Цыпа сидит рядом с Альфой и держит в руках тонкие прутья, пока он маленьким ножом обрабатывает прут подлиннее и прочнее. Рыжая занята тем, что помогает в том же Леннону. Я понятия не имею, что они

делают, но как-то смутно догадываюсь – это оружие... для охоты. Откуда у них ножики? Ведь решили же, что имущество в рюкзаках персонифицировано, и трогать его нельзя, пока не будет найден какой-нибудь способ выяснить, кому какой принадлежит. Я что-то пропустила?

Кто-то что-то говорит так негромко, что мне не разобрать, потом другой голос ему отвечает ещё тише, словно бы нарочно, чтобы у меня не было и шанса услышать, о чём речь, а после этого все семеро разражаются хохотом. Меня аж передёргивает. Мысль, что смеются надо мной, больно стучится в виски, но я не даю ей хода.

Я грею в своей кружке воду, чтобы помыть волосы – за них уже противно браться.

– Спасибо, Эл, – окликают меня.

Это Цыпа. У меня нет времени на разговоры, но она проявляет настойчивость – в прямом смысле хватает за запястье, чтобы заставить себя выслушать.

– Я не знала, что это ты... ну, мне помогла, – заявляет.

А я думаю: вчера на признательность у тебя был целый вечер, но ты молча улеглась спать. Чего же прицепилась ко мне прямо сейчас?

– Вообще-то, мы все трое тебе помогали. Но, будь здорова. Чего это вы там так смеялись? – решаю воспользоваться случаем и выяснить это.

– Когда?

Она как-то так странно смотрит, что у меня возникает

ощущение, будто бы прекрасно знает, о чём речь, но намеренно тянет время и не отвечает.

– Час назад примерно, у костра. Когда я мимо проходила, вы там ещё деревяшки затачивали.

– А, это Альфа лук делает для охоты. Он говорит, что мы вполне можем охотиться на крупных птиц – он видел гусей где-то в лесу у озера. Да, он там озеро нашёл.

– Ясно. Здорово. Я бы тоже научилась из лука стрелять.

– Он сказал, в лес ходить будут только мальчики.

– Ну, я не удивлена даже, что он так сказал. Тоже мне, законодатель.

– Да, и об этом тоже говорили, что лагерю нужны законы и система наказаний.

– А смеялись чего?

– Альфа пошутил. Всем смешно было... Эл.

– Почему ты называешь меня «Эл»?

– У всех уже есть имена, кроме тебя. Понимаешь? Это просто первым пришло в голову. Не знаю, почему. Я, кстати, вспомнила своё имя.

А вот это уже интересно.

– Серьёзно? И какое же оно?

– Альфия.

– Альфия?!

– Да. Меня звали Альфия, это точно

– Вспомнить своё имя – большое достижение. Никому ещё не удалось, так что ты впереди всех. И как же у тебя это

получилось?

– В рюкзаке была куртка, а в куртке потайной карман – его не сразу найдёшь, потому что он спрятан внутри другого кармана – побольше. В кармане был кусочек бумаги и на ней написано карандашом «Альфия».

– Можешь показать этот кусочек?

– Какой кусочек?

– Бумаги с твоим именем.

– А, это... Я как раз и хотела, но где-то... потеряла. Он маленький был. Совсем. Выпал, наверное...

Я стараюсь не рассмеяться в голос. Господи, как же примитивно! Альфа и Альфия? Серьёзно? Вот такой простой расчёт приведёт к цели? Он, может, и вызывает у меня определённые подозрения, но вот в чём я его точно не подозреваю, так это в тупости.

– Ну... Альфия, так Альфия, – говорю. – Приятно познакомиться.

– А ты? Ты не... придумаешь себе имя?

И я соображаю, что она права: у большинства из нас уже есть имена, полученные разными способами, но работающие на своих обладателей. Всегда проще сказать: «Отнеси эту порцию жареных моллюсков Леннону», чем «...вон той девице с волосами цвета сушёной травы, но не той, у которой красная футболка, а той, у которой белая. С пятном. Потому что есть та другая, тоже с такими же волосами, но у неё на футболке, тоже белой, нет пятна.»

Мне срочно необходимо придумать себе имя. С именем я стану частью общества. Без него у меня как бы нет занятого места, отведённой под меня ячейки. На ум ничего не приходит ни с первой попытки, ни со второй. И я понимаю, что в моей памяти нет имён. Ни мужских, ни женских. Я не помню ни одного человека, у которого было бы имя, ни одного лица. Поскольку у меня есть более важные хлопоты на сегодня, я решаю отложить это важное дело – толком поразмыслить над ним.

– Слушай, мне нужно забрать рюкзак. Извини, в другой раз обсудим...

– А ты ещё не забрала свой? – с удивлением поднимает брови Цыпа. – У тебя какой номер? Я помогу.

– Номер?

– Ну, да. У всех же есть. У меня вот, например, второй.

Тут она прилично оттягивает ворот своей футболки со спины и на позвоночнике так низко, что почти уже между лопаток, тёмно-серой краской выведена цифра два.

– Обалдеть... – выдыхаю.

– Да. Альфа – первый. У Умника четырнадцать. У Леннона одиннадцать. А у тебя?

Я покрываюсь мурашками, когда она заходит за мою спину и оттягивает мою футболку: неужели мы всё-таки пронумерованы?

– Семь, – объявляет Цыплёнок. – Ты седьмая.

Альфа действительно умудрился смастерить лук. И судя

по тому, как ловко у него получается попадать в кленовый лист, прилепленный чем-то к дереву, стреляет он не в первый раз. В отличие от Леннона.

– Не натягивай тетиву стрелой! – со смешком подсказывает ему Альфа. – И натянуть её на лук нужно было потуже. Вот, смотри: стрела находится между указательным и средним пальцами. Хват делаешь кончиками трех пальцев: указательного, среднего и безымянного. Чем меньше ты касаешься пальцами хвоста стрелы, тем точнее выстрел.

Он поднимает руки, прижимает к лицу тетиву, натягивая её пальцами, и мышцы на его плечах и предплечьях становятся такими... явными, чёткими. Потом он стреляет, и стрела попадает в точности в маленькую птицу, та, внезапно потяжелев, камнем падает Леннону под ноги. Я не в силах сдержать восторг и охаю.

– А знаешь, почему все смеялись? – неожиданно спрашивает меня Цыпа.

Мне сейчас не до неё – весь мозг занят инструкциями, которые Альфа выдавал Леннону по поводу тетивы и правильного хвата стрел.

– Почему? – машинально спрашиваю.

– Он сказал, что у тебя лошадиное лицо.

– Кто, он? – так же машинально уточняю.

– Альфа.

И вот тут только до меня доходит. Вначале опадает осадком где-то в зоне восприятия, а потом ударяет по сознанию

мощной эмоциональной волной.

– Что, прямо так и сказал?

На самом деле, мне всё это неинтересно, но от шока включился робот, запрограммированный во что бы то ни стало поддерживать разговор.

– Ну... да. Один признался, будто бы помнит, что в прошлой жизни любил лошадей, сказал, они ему снятся и он балдеет от этого. Тогда Альфа предложил ему любоваться на тебя.

– Зачем?

– Затем, что твоё лицо похоже на лошадиное.

О Боже...

Глава 17. «Некрасота»

Fading through – Vancouver sleep clinic

Мне ни приходило в голову, что я могу быть некрасивой. С самого начала воспринимала себя кем-то нормальным и обычным, но может, это не так? Я перебираю в памяти девушек, и все они в той или иной степени симпатичные, каждая по-своему. Есть одна прямо очень красивая – с длинными чёрными блестящими волосами и миндалевидными глазами. Парни вечно шутят на тему, кому она достанется. Может, наша группа – это некий баланс, и яркости необходим противовес? Что если этот противовес – я?

От огорчения у меня даже в животе разболелось.

Я брожу по лесу весь день – деревьям ведь плевать, как я выгляжу, смеяться они не станут. Орехов набрала давно, а обратно идти не хочется – днём лес кажется и теплее, и ласковее, чем лагерь.

Но как только солнце перекачивается на другой бок, и свет его становится не таким жарким, страх всё же пересиливает обиду, и я возвращаюсь к лагерю.

Людей в нём почти нет – наверняка все на берегу запекают рыбу, а может, и птицу – у кого что. У меня орехи – это единственное, что я способна самостоятельно добыть. Ну, моллюски ещё, но с ними не всегда получается.

У ручья тоже пусто, когда подхожу напиться.

Я размышляю о привлекательности. Почему, люди разбиваются на пары? Леннон вон, например, по какому принципу выбрал Рыжую для обнимашек? По какой причине она выбрала его? И ещё куча народу, зная друг друга без году неделю, уже спят вместе? Да, так теплее, но всё же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.